

Илья Тамигин

Найти богиню

Фантастический роман с пародийным уклоном. Издание 2-е

Илья Тамигин

**Найти богиню. Фантастический
роман с пародийным
уклоном. Издание 2-е**

«Издательские решения»

Тамигин И.

Найти богиню. Фантастический роман с пародийным уклоном.
Издание 2-е / И. Тамигин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964700-9

Поиски статуи Золотой Богини и подмена её в точности похожей девушкой, погони и сражения на мечах, козни ЦРУ, с которыми борется идеологическим оружием марксизма-ленинизма героический замполит, поцелуй, разбудивший спящую в анабиозе 12000 лет красавицу из невообразимой дали Космоса — всё это (и не только!) присутствует на страницах сего фантастического романа с пародийным уклоном. Шестнадцатый и двадцатый век связаны непредсказуемо и неожиданно, но очень логично.

ISBN 978-5-44-964700-9

© Тамигин И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Роман «Найти богиню» я посвящаю моей жене Наташе	7
От Автора	8
Пролог	9
Часть первая: Авантюрист на Севере	17
Глава первая	17
Глава вторая	28
Глава третья	40
Глава четвертая	47
Глава пятая	55
Глава шестая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Найти богиню
Фантастический роман
с пародийным уклоном. Издание 2-е**

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2019

ISBN 978-5-4496-4700-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Новая книга Ильи Тамигина – не обычная книга. Это, как бы, два романа в одном, соединенные мастерством Автора в произведение, которое читается на одном дыхании. Мост, перекинутый из двадцатого века в шестнадцатый и невообразимую даль времен ледникового периода, подчеркивает связь поколений, единство человечества, как социума, и факт, что, в какие бы времена люди не жили, они остаются людьми со всеми присущими им достоинствами и недостатками.

Миры, созданные воображением Автора, поражают своей наглядностью, будь то Европа конца шестнадцатого века или Советский Союз двадцатого. Тряская, посыпанная щебенкой дорога из Рима в Геную и общий вагон поезда «Батуми-Москва», таверна в Амстердаме и при вокзальный ресторан в райцентре Кузёмычи, подсобное хозяйство-свинарник в воинской части и быт выехавших на картошку сотрудников НИИ – все описано с предельной достоверностью... и капелькой ностальгии.

Очень наглядно и точно, как будто пользуясь математическими формулами, Тамигин описывает своих персонажей: умных и не очень, скромных и тщеславных, честных и жуликов, верных долгу и предателей. Тем не менее, некоторые герои как бы несколько гротескно выпуклы из-за пародийной манеры романа, что, однако, придает им ещё большую сочность и колорит.

Язык, используемый Автором, особо подчеркивает фантазийность и пародийность. Намеренно используются анахронизмы: «религиозный стаж», «Экспертное заключение на предмет присутствия в изделиях греха», «Главное Управление Святой Инквизиции по Французскому региону». Однако, благодаря этим перчинкам юмора произведение читается как добрая сказка. Вообще, очень радует то, что оно написано простым и красивым русским языком, редко встречающимся в наше время.

Несмотря на общую пародийную манеру изложения, ситуации, в которые попадают герои, предельно жизненные и логически замотивированные. В романе нет ничего, так сказать, взятого с потолка – все эпизоды соединены единой нитью повествования и органически вписаны в узор писательского замысла. Хочу добавить, что роман предельно информативен, в нем нет длинных и скучных диалогов, занудных описаний природы, или, скажем, завуалированных дискуссий о добре и зле. Действие развивается на каждой странице и Читателю не нужно напрягаться, ища скрытый смысл. Все открыто, всё на виду.

Гуманистические идеи, выраженные в романе, просты: вера в Бога, без которой невозможно достичь сколько-нибудь важных свершений в жизни, надежда на счастье, а также любовь, встретить которую стремится каждый человек. Вера, Надежда, Любовь...

«... каждый ищет свою богиню – не золотую, простую!» – пишет Тамигин в этих его словах отражается вся суть человеческих устремлений.

В романе, на первый взгляд бесхитростном и безыскусном, Читатель, тем не менее, найдет много тем для размышления на досуге. О долге, патриотизме, ответственности за судьбу страны, о... Впрочем, читайте!

И. В. Смелов

военный историк,
кандидат юридических наук,
ветеран МВД

Роман «Найти богиню» я посвящаю моей жене Наташе

Эпиграф №1:

*Север — одна их сторон Света,
противоположная югу. В более широком смысле —
местность в России. Тогда пишется с заглавной
буквы.*

И. Тамигин, размышление о сути вещей.

Эпиграф №2:

Там, во тьме, во мгле печальной...

А. С. Пушкин, «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»

Эпиграф №3:

— Хороший сказ, какой люди любят, он что? — продолжал рассуждать слепой. — Чтоб был с богатырями и красавицами, это бесприменно. Чтоб со слезой — бабам поплакать. И с надеждой в конце, а то и поколотить могут.

Б. Акунин, «Звездуха»

От Автора

Сие произведение не содержит ни буквы вранья – только сплошной, монолитный кристалл сияющего вымысла. Все персонажи, города, селения, секретные чертежи и устройства, а также синий цвет есть выдумка Автора. Не выдумана только любовь, дружба и предательство, а также жизнь и смерть. Если кто-то усмотрит сходство кого-то с кем-то, то пусть радуется – ему повезло!

Пролог

12500-й год до нашей эры. Примерно.

Мохнатое чудовище стремительно разворачивается ко мне и угрожающе трубит. Я бросаюсь в сторону и в подкате перерубаю ему сухожилие на задней ноге. Зверюга издает вопль боли и пытается достать меня хоботом, но я проворнее! Увернувшись, я подсекаю и вторую ногу, и мамонт грузно оседает на землю. В глазах его ярость, боль и бессилие. Загонщики медленно стягиваются поближе. Я предостерегающе кричу, но поздно: мамонт взмахивает хоботом и мой оруженосец Марган отлетает на дюжину шагов с переломленным позвоночником. В этот момент я с разбегу вспрыгиваю на кочковатую спину животного и с размаху опускаю меч на волосатую шею, надеясь попасть между позвонками и перерубить спинной мозг. Меч неуклюж, баланс у него плохой, я так и не научился обрабатывать отливку, но острота лезвия замечательная, она обеспечивает глубокое проникновение в плоть. Рана распахивается, из неё хлещет водопад крови. Значит, я умудрился пересечь яремную вену, но не хребет... Жаль!

Мамонт уже не трубит, а хрипит, и вслепую ищет схватить меня хоботом. Я уворачиваюсь, прыгиваю с загибкой и добиваю его ударом в сердце, вогнав все три локтя клинка по самую рукоятку пониже левой лопатки. Охотники вопят от восторга. Все кончено. Теперь у племени есть мясо!

Все подергивается странной дымкой, моя рука, держащая меч, стремительно превращается в подобие сухой ветки... Я просыпаюсь и осматриваю себя. Увы! Где могучие мускулы, где гладкая, упругая кожа? Тощее, высохшее в мумию, морщинистое тело... Я старик... Сколько раз выпадал снег, сколько сезонов миновало – я не помню. Сотня? Тысяча? Не помню... Все сливается в череду дней, мало отличимых друг от друга. Скоро, очень скоро я умру... но пока только задремываю.

Снова сон, повторяющийся едва ли не каждый день: чужая планета надвигается на меня, заполняя все поле зрения, и невозможно отвернуть, чтобы избежать её нежелательных объятий. Удар! В глазах темнеет... Э, да мы совершили посадку, а не разбились! Однако взлететь, увы, оказалось не суждено, потому что вышедший из строя компьютер счетными палочками не заменишь. Главное – не уходить от корабля, это первое правило выживания потерпевшего крушение. Я и остался здесь. Где это, «здесь»? Север безымянной планеты, которую мне повезло, в кавычках, открыть. Корявая каменисто-болотистая суша на границе с серым, вечно холодным морем. Конечно, я определил координаты, но кому они нужны? Помощь не пришла... и не придет... Если бы спасатели получили сигнал, то уже давным-давно прилетели.

Я просыпаюсь.

Как же холодно! Подкинуть, разве, дровишек в очаг? Лето в разгаре, а ветер с моря ледяной, до костей пробирает... По утрам на траве заморозки. Ледниковый период, что поделаешь. Вон он, ледник-то, на северо-западе виднеется. Красивый, искрится на солнышке радугами алмазными... До него десять дней бега. Высота – пять полетов стрелы. Старшина охотников докладывал вчера, что там, у подножия льда, сейчас пасутся мамонты, стадо голов, этак, в восемьдесят. Будет большая охота! Шкуры, мясо на всю зиму (а зима-то здесь – две трети года!), бивни. Из них много чего нужного в хозяйстве вырезать можно, ну, и для обмена. С юга и с запада каждое полнолуние приходят соседние племена на базар, меняют меха, самородную медь и золото на оружие, зерно, овощи, китовый ус и китовый жир.

В окно, завешенное колеблемой ветром шкурой оленя, видно мой корабль. Он разграблен, почти ничего не осталось: корпус пошел на ножи, наконечники для копий, мечи и топоры. Хоть какая-то польза, а? Сам же и помогал, демонтируя силовую установку, чтобы постро-

ить плавильную печь. До сих пор работает! Остальные приборы – увы! – здесь применения не нашли. Разобрали на винтики и проволочки, наделали блестящих украшений: браслетов, сережек. Не жалко! Пригодились и осколки стекла, из которых удалось отлить несколько линз. Корявых, конечно, но добыть огонь можно. После мечей и топоров это главное сокровище.

Людей моего племени (язык не поворачивается назвать их гуманоидами!) я научил сеять злаки, из которых они пекут хлеб и варят пиво (это уже не я, сами додумались!), ткать полотно из льна, искать железную руду – в болотах её много – и выплавлять из неё железо. Показал, как колесом пользоваться. Письменность, а как же! Освоили все двадцать четыре руны. Местный язык достаточно примитивный – в смысле фонетики, да и лексики тоже, поэтому пришлось напрячься и научить их говорить по нашему. Теперь стараются, Сказитель и его ученики пишут помаленьку на пергаментках, худо-бедно фиксируют историю, в основном в виде песен и саг. Люди... Да, это люди, ибо у меня от множества жен родилась уйма потомков. Удивительно, конечно, такое совпадение генетического кода! Думаю, однако, что это не случайно: видимо, Предтечи, заселяя Галактику, не баловались разнообразием. Жизнь, созданная по их образу и подобию, годится для большинства кислородных планет. Пять населенных планет за последние две тысячи лет открыто, моя – шестая, – и везде наши, так сказать, братья. Кроме одной... забыл название... там раса специфическая, на нас похожая, но генетически мало совместимая: потомство от смешанных браков бесплодное, да и уродства часто бывают. Наверное, местные успели мутировать маленько под радиацией своего светила. Мои правнуки и праправнуки тоже несколько отличаются от здешних смугловатых аборигенов: они светлокожие, светлоглазые и светловолосые. Также они несколько выше ростом... То-есть, похожи на меня.

Однако, надо бы согреться как следует, а то мысли путаются! Колотушкой бью в медный гонг, чтобы позвать младшего жреца Воргу. Вот он входит, один из моих потомков: голый по пояс, несмотря на ледяной ветер, одетый лишь в меховые штаны и мокасины. Изумрудно-зеленые перья зимородка (знак сана) воткнуты в волосы. Торс лоснится от медвежьего жира.

– Подбрось дров в очаг! – приказываю я ему, – И позови Корена. Я буду говорить с ним. Ворга бросает на угли несколько поленьев и исчезает.

Пламя взвивается, гудит. Тепло наполняет комнату, проникает в кровь. Хорошо! Протягиваю к огню руки: это руки старика. Набухшие вены, сморщенная, сухая кожа, узловатые суставы пальцев. Пальцы дрожат, и я ничего не могу с этим поделать. Проклятые годы! Да, пора...

Входит Корен, старший жрец, тоже мой потомок. Молча садится по другую сторону очага. Правильно себя ведет, говорит первым должен старший. Я отхлебываю козьего молока, чтобы прочистить горло, и начинаю:

– Я скоро уйду. Когда это случится, возложите моё тело на костер и над моим прахом насыпьте курган из камней.

– Я слышал тебя, Великий! – склоняется Корен.

– Далее: Золотую Деву ты и Ворга спрячете в самом укромном месте, какое только сможете найти. В пещере, глубоко в земле, чтобы никто никогда не приблизился к ней. Она должна жить вечно! Место забыть.

– Я слышал тебя, Великий! – снова склоняется жрец, – Но, как же люди будут поклоняться богине, если к ней не будет доступа?

– Тайно сделайте её изображение из дерева, покройте его золотом. Люди не заметят подмены. Копите принесенные жертвы. В трудный для племени час эти богатства можно будет выгодно обменять на что угодно: еду, военную помощь...

Говорить становится все труднее, не хватает воздуха. Я снова отпиваю молока. Это – единственная моя пища, ибо зубов нет ни одного, а желудок ссохся и не принимает даже кашу. Отдышавшись, продолжаю:

– Начинайте немедленно! Когда статуя будет готова, уходите с Золотой Девой...

Корен молча кивает и уходит, повинаясь моему знаку. Я знаю, что он сделает все, как приказано.

Золотая Дева... Пытаюсь вспомнить её имя – и не могу! Это плохо. Нельзя забывать товарища, свою последнюю связь с родиной. Она мой второй пилот, юная девушка, на момент аварии находившаяся в анабиозе. Золотистая изолирующая пленка (отсюда и прозвище!) сохранит её много тысячелетий. Я надеюсь, что когда-нибудь в будущем мою подругу найдут, разбудят, и она сможет вернуться домой. Для неё пролетит только миг. Люди верят, что она приносит удачу в охоте и битвах, и считают её богиней, а меня – полубогом и героем. Что ж, я привык...

Веки неудержимо слипаются. Я откидываюсь на ложе, уланное шкурами, и засыпаю. Навсегда.

Наутро тягучий звук Большого Гонга разнесся над пещерным городом-становищем. Люди выходили из домов, тревожно глядели на сторожевую башню: не развивается ли на ней красный вымпел, знак войны? Нет, вымпел висел черный, знак смерти. Такой поднимали в случае смерти кого-либо из вождей, или гибели отряда воинов, или когда на племя надвигалась чума. Но чумы сейчас нет, мужчины все целы...

На площади постепенно собиралась толпа. Все стояли тихо, ожидая объявления грустной вести. В полдень на помост взойшли верховный вождь Тарга, главный охотник Свен, старший жрец Корен и сказитель Борра. Вождь поднял руки, призывая ко вниманию. Все стихли.

– Дети мои! – разнесся над площадью мощный голос Тарги, – Сегодня Великий ушел от нас!

Толпа дружно охнула. Женщины зарыдали. Все опустились на колени и посыпали головы песком в знак скорби, ибо Великий был с ними всегда. Давно умерли люди, видевшие его приход с неба, с тех пор сменилось несколько поколений!

Тарга продолжал:

– Тяжело расставаться с Отцом и Учителем, ниспосланным нам богами из Верхнего Мира, человеком, чьё огромное сердце билось для всех нас, человеком, вокруг которого сплотилось множество кланов, образовав наше могучее племя! Всему, чего мы добились, мы обязаны Ему!

Он говорил ещё долго, перечисляя все великие деяния усопшего. Люди, терзаемые горем и гнетущей пустотой в душе, внимали.

Затем, за южной стеной, тело, завернутое в полотно, возложили на погребальный костер со всем, что может понадобиться для путешествия в Верхний Мир: огромный меч, копье, щит из крепчайшей кожи мохнатого единорога, украшенный литым диском с орнаментом, заплечная корзина с едой, а также личные вещи Великого, принесенные им со звезд: шлем и странная плоская пластина в ладонь величиной с гладкой, как зеркало, поверхностью, на которой, если провести пальцем, высвечивались загадочные знаки. На костер взойшла и одна из ранних жен Великого – дряхлая (шестидесятилетняя!) старуха Тану, с браслетами на руках и ожерельем на груди, одетая в лучшее льняное платье, расшитое драгоценным жемчугом.

Тарга поджег факелом обильно политые китовым жиром брёвна. Языки пламени, гудя и ревя, взметнулись в низкое, затянутое тучами небо. Фигура Тану исчезла в дыму. Корен и другие жрецы затянули погребальную песню. Племя принялось справлять тризну...

Курган над прахом Великого начали насыпать сразу, как только остыли угли.

– Алларк! Ты лучший из резчиков по дереву. Согласно последней воле Великого ты вырежешь из крепчайшего мореного дуба изваяние Золотой Девы, дабы невозможно было отличить

копию от оригинала. Об этом никто не должен знать, поэтому ты не выйдешь из святилища, пока не закончишь.

Алларк, мозолисторукий пожилой мужчина лет сорока, с достоинством поклонился:

– Я слышал тебя, жрец! Но это сложная работа, она займет много времени!

– Теперь я Верховный Жрец, называй меня «Святейший».

– О! Святейший, я слышал тебя!

Корен остро взглянул на него, не посмел ли улыбнуться? Нет, серьёзен. Значит, проникся.

– Сколько же времени тебе надо, мастер?

Алларк поскреб бороду, растопырил пальцы:

– Если я начну прямо сегодня, то... думаю, к весне, когда растает снег.

– Да будет так! Иди, Ворга проводит тебя. Он будет с тобой неотлучно, чтобы ты ни в чем не нуждался во время работы.

– Но, мои инструменты?

– Они уже там.

– А... моя семья?

– Их известят.

Ворга крепко взял мастера за плечо:

– Пошли!

Корен проводил их тяжелым взглядом.

Короткое лето перетекло в осень. Тучи гусей и уток много дней покрывали небо, стремясь на юг. Все, кто мог держать лук, без усталости пускали стрелы, и каждая падала с добычей. Женщины и подростки солили птицу заранее заготовленной морской крупной солью. Затем выпал снег и наступило время оленьей охоты. Неисчислимые стада полководьем разлились по равнине на три дня бега. Мясом и шкурами заполнили все хранилища! Люди славили Золотую Деву и, в благодарность за изобилие, приносили в Святилище щедрые жертвы: изделия из меди и железа, соль, золото.

На долгие семь лун воцарилась зима. Метели, снегопады, вьюги. Море замерзло, стало возможным охотиться на тюленей и моржей из засады около полыньи. Богиня благоволила людям, часто награждая их Небесными Огнями, причудливо мерцающими и танцующими на небосводе.

Вот и весна! Южные ветры принесли первые дожди, съевшие снег за несколько дней. Лёд на реке треснул и вздувшаяся стремнина понесла его в море.

Корен сидел, сгорбившись, у очага, на котором тихонько булькал котел с отваром трав, дающий ясность мыслям и бодрость телу, когда вошел Ворга:

– Святейший! Алларк закончил работу.

Верховный Жрец кивнул и медленно встал. Запахнув плащ, вышел из дома. Идти до Святилища было недалеко, всего три полета стрелы. Прошел зал для жертвоприношений. Вот и зал с Золотой Девой, лежащей на постаменте. Сюда непосвященные допускаются только раз в год, на Праздник Урожая. Забежав вперед, Ворга распахнул плечом тяжелую дверь в соседнее помещение, ранее служившее жилищем дежурного жреца. Корен, пригнувшись, чтобы не стукнуться головой о притолоку, вошел. Алларк, заросший за девять лун бородой до самого пояса, радостно шагнул навстречу:

– Я исполнил твоё повеление, Святейший!

Тот слегка отстранился, ибо от мастера несло козлом – девять лун не мылся.

Комната была круглая, небольшая, всего шестьдесят шагов в диаметре. Свет проникал через три узких окна и отверстие в высоком потолке, служившее также дымоходом. В центре пола тлел очаг. Пахло опилками, китовым жиром для светильников и грязными шкурами.

В нескольких шагах на верстаке лежала статуя. Верховный Жрец подошел, придирчиво всмотрелся: изваяние было в точности похоже на Золотую Деву! Лицо спящей богини легко улыбалось, ресницы, казалось, чуть трепетали. «Даже ресницы! Как же он умудрился? Ну, мастер!» – восхитился Корен, скользя взглядом по фигуре. Как она прекрасна! Только немножко худенькая: талия слишком тонкая, с вынашиванием детей могут быть трудности... но богине это нипочём! К тому же, это не она, а её изображение. Глянул на тонкие длинные пальцы с полированными ногтями, сжимающие такой же, как у Великого, предмет, похожий на зеркальце. Осторожно провел ладонью по щеке статуи: полировка замечательная! Дерево было гладким, как стекло, и нигде не видно следов резца.

– Я доволен твоей работой, мастер! – обернулся он к почтительно ждущему Алларку.

Тот просиял:

– Моя надежда сбылась! Я не разочаровал тебя, Святейший! Позволено ли мне будет сейчас вернуться домой?

– Да.

Алларк наклонился, чтобы взять сундучок с инструментами, и в этот момент Корен коротко и точно ударил его кинжалом в шею, в ямку под черепом. Лучший в племени резчик умер мгновенно. Ворга, стоявший в дверях, потрясенно охнул.

– Так надо, Ворга! – грустно пояснил Верховный Жрец, вытирая кинжал обрывком шкуры, – Мы должны сохранить тайну. Так приказал Великий!

– Но... но... как же так? Он же твой брат, сын твоего отца! – изумленно пуча глаза бормотал Ворга.

– Да, это так. Я любил моего брата и скорблю о нём. Но я Верховный Жрец, и служу Богине. Её тайна – превыше всего.

– И что теперь? Его семья...

– В день, когда Алларк приступил к работе, я сообщил его жене, что медведь растерзал нашего мастера за западной стеной. Семья возложила останки на костер и справила тризну.

Ворга не стал спрашивать, чьи это были останки.

Корен тяжело вздохнул:

– Ночью ты унесешь тело подальше от города и закопаешь.

– Закопаю?! Но он же не бродяга, он наш, он... был уважаемым членом племени! Закопать, как собаку!?

– Ты что, хочешь устроить ему костер? Пойми, дело тайное!

Глаза Корена угрожающе сверкнули.

Ворга склонился:

– Я слышал тебя, Святейший! Все будет исполнено!

Вечером следующего дня Ворга вошел в мастерскую Рагнара, кузнеца. Тот стоял у верстака и тянул медную проволоку, медленно наматывая её на катушку.

– Приветствую тебя, Рагнар!

Кузнец обернулся:

– О, Ворга! Я тоже приветствую тебя категорически! Проходи, присаживайся!

Борода его раздвинулась в улыбке, стали видны крупные желтые зубы.

Ворга сел на лавку. Он медлил начинать разговор, обрекающий этого хорошего человека на смерть.

– Не поделишь ли ты со мной трапезу, жрец? – учтиво предложил Рагнар, кланяясь, – Я как раз закончил работу и собирался перекусить!

– Нет. Я пришёл... в общем, Святейший... он приказал тебе прийти без промедления, – проямлил Ворга, отводя глаза, – И возьми свои инструменты.

– Какие, жрец? У меня их много! – удивился кузнец.

– Возьми те, которыми ты работаешь по золоту.

– Ладно! Только золота у меня нет.

– Святейший выдаст, сколько надо.

Пожав плечами, Рагнар уложил в сундучок инструменты. Они вместе вышли из мастерской и направились в Святилище. Время было позднее, и прохожих было мало. Никто ни разу не окликнул их. В Святилище Корен встретил их в парадной мантии из шкур барса и головном уборе из перьев птицы Жарр. Кузнец подобрался, сообразив, что дело серьезное, раз Верховный Жрец встречает его в таком официальном виде. Обычно этот наряд одевался только в дни больших молений.

– Рагнар-кузнец! – поднял правую руку Корен, – Я призвал тебя для выполнения важнейшего и секретнейшего задания! Клянешься ли ты сохранить тайну?

– Клянусь, – пожал плечами кузнец, – А в чем дело?

Втроем они прошли в комнату, где на деревянном пьедестале лежала статуя Золотой Девы. При виде её Рагнар охнул.

– Ты покроешь это изваяние золотом, тончайшим слоем, – объяснил Корен, зорко следя за выражением лица Рагнара.

– Да, Святейший, я могу это сделать. Но, зачем эта статуя?

Корен вздохнул. Надежда, что Рагнара удастся пощадить, улетучилась.

– Я отвечу тебе, когда ты закончишь работу и получишь вознаграждение. Сколько времени тебе нужно, кузнец?

Рагнар ответил не сразу. Сначала он обошел вокруг статуи, внимательно присматриваясь и трогая пальцем. Затем он обернулся:

– Мне понадобится одна луна, Святейший. А сколько ты мне заплатишь?

– Награда будет велика, останешься доволен, – уклончиво произнес Корен, скрестив пальцы за спиной, дабы уберечь себя от греха лжи, – Начинай прямо сейчас. Ворга проследит, чтобы ты ни в чем не нуждался.

– Э, нет! Сейчас плохой свет, да и устал я за день. Вот утром, с новыми силами...

– Да будет так!

За день до следующего полнолуния Рагнар сообщил Ворге, что работа закончена. Тот позвал Корена и они вместе вошли в мастерскую. Статуя была покрыта золотом столь искусно, что отличить от оригинала было невозможно. Единственным отличием было сияние полированного золота, в то время, как настоящая Золотая Дева была матовой.

– Я доволен, мастер. Вот твоя награда! – протянул кузнецу золотой слиток Корен.

Слиток был величиной в три сложенных вместе больших пальца.

– Ценю твою щедрость, Святейший! – обрадованно воскликнул Рагнар, улыбаясь.

У Ворги отлегло от сердца: значит, Святейший решил оставить мастера в живых! Иначе, зачем бы он дал ему золото?

– Ну, раз все довольны, то я пойду домой? День был жаркий, мне не терпится выпить доброго пива! – нетерпеливо затоптался Рагнар.

– Принеси пива, Ворга! – улыбнулся Корен, – Там, в моих покоях, стоит жбан. Мы выпьем его вместе.

Пиво было принесено и налито в деревянные кубки. Все выпили. С последним глотком Рагнар захрипел и упал, стукнувшись головой об угол верстака.

– Что это с ним? – воскликнул Ворга встревоженно.

– Он умер, – грустно сказал Корен, наклоняясь и трогая шейную артерию кузнеца.

– Но, как же так? Ведь он поклялся...

Верховный Жрец вздохнул:

– Должен ли я объяснять тебе все с начала?

Когда следующая луна была на ущербе вполовину, Корен и Ворга, сопровождаемые двумя дюжинами воинов, отплыли вниз по реке на новеньком, только что построенном кнорре. На корме, укрытый промасленным полотном, стоял узкий ящик. Выйдя в открытое море, корабль повернул на восход. Море сверкало в лучах полуденного солнца, берег то скалился черными неприступными скалами, то улыбался длинными пляжами, кишевшими тюленями. И птицы, птицы везде! Воины размеренно гребли длинными веслами, улыбаясь во всю ширь бородатых потных лиц.

«А светловолосых-то из них едва ли не четверть!» – с интересом подметил Корен, – «Сильное семя посеял Великий!»

– Куда мы плывем, Святейший? – тихо спросил Ворга.

– Подальше от Города. Нам нужен остров, где мы спрячем богиню, чтобы её никто никогда не нашел.

– И тогда ты убьешь меня?

– Нет. Я знаю, что ты будешь хранить тайну Золотой Девы, ибо ты – её жрец. А дорогу обратно никто не найдет, островов много, и один от другого не отличить.

Путешествие было долгим, целых две луны. Они миновали множество островов, пока, наконец, ранним утром не пристали в маленькой бухточке, окруженной острыми скалами. Велев команде ждать, Корен пошел на разведку. С трудом преодолевая труднопроходимые камни, он к полудню нашел подходящую пещеру. Вернувшись на корабль, он отвел Воргу в сторону:

– Завтра мы завершим начатое.

Ящик с Золотой Девой они тащили вдвоем долго, и только к вечеру, совершенно измученные, дошли до пещеры. Там Корен снял с ящика крышку и в последний раз полюбовался на светлый лик богини. По обычаю положил два меча в ногах и в головах лежа. Ворга тем временем поставил корзину с едой: вдруг Богиня проснется и захочет есть? И другую, с платьем из шерсти для лета и малицей из оленьих шкур – для зимы, а также мокасины и унты. Затем они устроились на ночевку, ибо в темноте до корабля было не дойти: кому охота сломать ногу?

Утром жрецы вернулись в бухту, предварительно наложив на остров заклятье, чтобы никто не осмелился приблизиться к месту упокоения богини.

– Идем домой! – приказал Корен воинам, чувствуя огромное облегчение в душе.

Приказ Великого был выполнен!

Время неторопливо текло над городом-становищем. Сменялись поколения, Племя росло и процветало. Ушел в Верхний Мир Корен, и Верховным жрецом стал Ворга. Будучи уже глубоким стариком – ему сравнялось семьдесят зим – он однажды взял пергамент и, не разгибая спины, целый день что-то писал. Когда младший жрец Акнир принес вечернюю пищу, Ворга был мертв. Перед ним лежал пергамент, исписанный рунами. Акнир попытался прочесть, но не смог: руны не складывались ни в одно знакомое слово. Тем не менее, он уложил пергамент в деревянный футляр и отнес в хранилище свитков.

Ледник постепенно таял и, скользя по смазке талых вод, потихоньку полз на восход и полдень, дробясь по пути на несколько потоков. К тому времени, когда он достиг кургана, город-становище был уже давно покинут людьми. Войны, эпидемии, откочевка дичи, перемена русла реки – многое произошло за века и тысячелетия. Большую часть племени поглотили другие народы, другая, меньшая часть, погибла. Но самая малая часть уцелела на необъятных просторах северного окоёма.

Много раз люди пытались достигнуть безымянного острова, но старинное заклятье отпугивало их. Богиня спала и ждала... чего?

Часть первая: Авантюрист на Севере

Глава первая

Год от сотворения Мира 7089 (1580 от Рождества Христова)

Папа Григорий XIII развернул очередной пергамент, доставленный из библиотеки секретарем. По его заданию там уже несколько лет работала группа монахов-бенедиктинцев, разыскивая документы, относящиеся к язычеству. В основном это были сведения не представляющие особого интереса, но иногда попадались и упоминания о капищах, содержащих несметные сокровища, как, например, в Карфагене. Конечно, за века они были разграблены, что часто подтверждалось более поздними свидетельствами или слухами, но святой отец не терял надежды однажды найти нечто, ускользнувшее от жадных рук завоевателей и просто грабителей. И вот...

Документ был написан греческим безымянным монахом (это можно было заключить из корявой латыни автора) в правление императора Константина (того самого, равноапостольного, перенесшего столицу Римской империи в Византиум) и содержал запись рассказа некоего сотника Валериана, попавшего в плен к северным варварам на побережье Балтийского моря. Сотник подробно описывал быт, нравы и политико-экономическое устройство племени, которое он по невежеству называл гиперборейями. Описывая их верования, он упомянул, что Христа они не знают, а поклоняются некоей Золотой Богине, в храм которой могут входить только жрецы. К рассказу была приложена карта местности, вычерченная сотником.

Папа прищурился и ещё раз внимательно перечитал заинтересовавшие его строки: «... статуя спящей Девы из чистого золота в рост человека...». Потер уставшие глаза. Интересно! До сих пор ничего подобного не попадалось. Вообще-то, север Европы – *terra incognita*, там влияние Церкви до сих пор минимально, и, соответственно, информация о тех местах скудная.

«Надо будет послать туда кого-нибудь. Нет, не абы кого, а верного солдата Церкви. Проверить... Больше тысячи лет прошло... Всё равно – проверить!.. Золотой идол, а?»

Болото тянулось на сколько хватало взору. Кабальеро Корнелиус ди Ранейро с проклятиями вытянул увязший по колено сапог из чавкнувшей трясины, оперся о посох, отдуваясь. Цепочка стрельцов медленно двигалась вперед, оставляя за собой мутную полосу. Ступать следовало след в след, но иногда Корнелиус оступался, и тогда застревал, иногда надолго. Шли с самого утра, и конца-краю сегодняшнему маршу было не видно. Брюхо давно уже трубило настойчивые сигналы к обеду, только как пообедаешь в эдакой мокрети? Напрягшись, кабальеро, таща за узду лошадей, догнал размеренно шагавшего Антипа Журбу, проводника, шедшего третьим в цепочке.

– Далеко ли есть сухое место?

– Не, часик ещё... или полтора, – ответил тот, утирая рукавом армяка взмокшее лицо. Корнелиус вздохнул и зашагал рядом.

Проводник не обманул, и через час с небольшим отряд вышел на твердую почву, покрытую редколесьем.

– Привал! – облегченно объявил Селифан Северьянов, сотник, – Обед!

Стрельцы подчинялись ему.

Дьяк Парфен Григорьев, начальник экспедиции, жилистый дядька лет под сорок, довольно осклабился и перекрестился:

– Слава те, Господи, вышли на твердь земную!

Стрельцы быстро разбили лагерь и запалили костры. Вскоре потянуло вкусным запахом варева из убитого два дня назад лося. Корнелиус присел рядом с Антипом, жадно хлебавшим похлебку, называемую трудным русским словом «шти». Что бы русские не варили – всё равно у них получались шти! Впрочем, неважно: есть можно – и ладно!

– Я хочу знать, далеко ли есть корижи.

– Завтра к полудню дойдем, – коротко ответил тот, не поднимая глаз от деревянной чашки.

– А верно ли, что они есть язычники? – поинтересовался Корнелиус, повидавший самых разных язычников за время путешествия.

– Ага, язычники! Золотому, говорят, идолу поклоняются. Нашу веру нипочем принимать не желают, – Антип громко рыгнул и перекрестил рот, чтобы не влетела нечистая сила, – Токмо, идола своего они николи не показывают. Когда придем, по сторонам не особенно зыркай, Корнеюшка. Обозлиться могут!

Корнелиус вздохнул. Все это было и так понятно. Вспомнилось, как две недели назад стрелец из их отряда, наевшись гороха за обедом, проходя мимо деревенского капища, нечаянно пустил ветры. Так тут же башку отсекали и на кол насадили, и даже имени не спросили! Да, здесь надобно держать ухо востро, ибо аборигены-варвары даже опаснее американских индейцев!

Мысли вернулись к порученной ему секретной миссии. К походу кабальеро ди Ранейро прибился по заданию самого Папы Римского – Григория XIII. Вспомнилась аудиенция, имевшая место два года назад, после возвращения Корнелиуса из Америки, где он выполнял важное задание Святого Престола. Выслушав подробное изложение отчета о командировке и похвалив, Папа задумчиво повертел в руке распятие и промолвил:

– У меня для тебя есть новое задание, сын мой... Ведомо мне, что некий северный народ поклонялся, а, возможно, и до сих пор поклоняется золотому идолу. Сейчас это территория царя московитов Иоанна... Ты отправишься в Московию и разузнаешь всё, что сможешь об этом предмете. Если же привезешь идола, то награду сможешь просить любую... в пределах разумного.

– Я понял, Ваше Святейшество! Сделаю всё, что в моих силах, и даже сверх того!

Кабальеро получил благословение, командировочные и копию карты сотника Валериана.

И началось! Подготовка к путешествию, изучение трудного русского языка, само путешествие в Москву, занявшее восемь месяцев, крещение в греческую веру (с католиком никто и разговаривать не станет!), осторожные расспросы о северных варварах, долгое ожидание похода за ясаком в подходящую по описанию местность. Была и беседа с князем Шуйским, главой Тайного Приказа (контрразведки Московии), больше походившая на допрос. Легенду, что Корнелиус намеревается составить карту северных земель и выяснить возможности торговли с тамошними племенами, князь выслушал со вниманием и, вроде бы, поверил. Кабальеро ди Ранейро была жалована охранная грамота и выписана подорожная, с тем, однако, условием, что результаты своих трудов он сначала представит главе Тайного Приказа. И вот, наконец, он близок к цели! Русские Conquistadores, с которыми Корнелиус путешествует уже три месяца, наконец вступили в пределы племени, о котором упоминал Папа.

После обеда, отдохнув часок, двинулись далее. Снова болото, сменяющееся другим болотом. Комары! Прямо не комары, а драконы какие-то! Дымом бы их, проклятых, отгонять! Увы, курение травы никоцианы, к которому Корнелиус пристрастился на Кубе, в Московии было запрещено под страхом отрезания носа. Спасались пропитанными дёгтем вуалями, прикрепленными к шапкам.

Ночевали на сухом каменистом островке, не ставя шатров. Лёжа в своём спальном мешке из оленьих шкур Корнелиус привычно помолился на ночь по латыни, ибо в православие крестился только для виду, и, поёрзав на неудобном ложе из жестких веток, уснул. И приснилась

ему обнаженная дева, излучающая сияние, с лицом прекрасным и мудрым. Проснувшись, Корнелиус проанализировал сей сон. Решил, что это от долгого воздержания – женщины у кабадьеро не было с самой Москвы. Поворочавшись, попытался снова уснуть, но не получилось: ухал филин, зудели комары, лаяла лисица. Так и маялся без сна до рассвета, причем, не отпустило предчувствие чего-то чудесного.

К полудню, как и было обещано, отряд вышел к довольно большому озеру. На другом берегу, саженях в пятистах, виднелся город.

– Слава те, Господи! – перекрестился Антип, – Дошли! Вон она, Корижа!

Опустившись на колени, жадно зачерпнул озерной воды и, умывшись, долго пил.

– Как же мы в город будем попадать? – поинтересовался Корнелиус, тяжело сев на прибрежный валун и вытягивая гудящие от усталости ноги в ботфортах.

– А щас костры дымные запалим, с пищали стрельнём, корижи сразу и приплывут, – объяснил Антип, разуваясь, чтобы перемотать портянки.

Ядреные миазмы подпревших ног разом разогнали комаров! Некоторые, послабее, упали замертво. Другие, отчаянно ругаясь, рванули на свежий воздух. Лететь пришлось далеко – саженей десять. Корнелиус заметил это и прикинул, что, если соскрести с пяток Антипа грязь и намазаться оной мазью, то получится средство от комаров. Он даже придумал название: «репеллент»! Грустно представил, как пахнут его собственные ноги и содрогнулся. Снова повернулся к Антипу:

– А если вокруг, берегом?

– Не, вокруг не пройдешь, валуны дикие. То-есть, можно в обход, чтоб через главные ворота, но это ещё три дня.

Стрельцы сложили два костра и навалили на них лапника, чтобы дыму было побольше. Когда ввысь потянулись два столба густого дыма, трижды выстрелили из пищалей. Спустя час появились баркасы о восьми гребцах каждый. С переднего сошел на берег седовласый старик лет пятидесяти с непокрытой головой. Одет он был в холщовую длинную рубаху, меховой жилет и порты. На ногах – постолы из сыромятной кожи. Старик как старик, только очень большой, под семь футов ростом.

Старик с достоинством поклонился принявшему гордую позу дьяку Григорьеву, назвавшего его Уго, и жестом пригласил служивых в баркасы. Оставив двоих стрельцов присматривать за лошадьми и грузом, отряд погрузился в плавсредства. Ритмично взмахивая веслами, гребцы разогнали баркасы, мигом пересекли озеро и плавно вынеслись на пологий берег, единственное пригодное для высадки место, шириной не более полутора сотен шагов. Вокруг, как и говорил Антип, торчали сплошные скалы и валуны. Корнелиус с любопытством осмотрелся. Селение большое, настоящий город, жилищ эдак на три тысячи или более. За домами посада виден бревенчатый тын детинца-кремля с княжеским теремом, в центре города площадь и большое приземистое здание с четырехскатной крышей. У входа колья с черепами. Много, с дюжину. Кроме того, вход охраняли два здоровенных стража с копьями. Толпа народу высыпала навстречу, с интересом рассматривая пришельцев. Ещё бы! Не каждый день новые люди приходят!

Тем не менее, приняли посланцев Иоанна Васильевича Грозного, скажем так, суховато. Столы, впрочем, в трапезной палате накрыли, ибо время было обеденное, но угощение выставили простенькое: куриная лапша, рыба, жареный кабан, пироги, ячменный хлеб, клюквенный взвар. И пиво. Дьяк вздохнул: какие переговоры без подогрева? По его знаку стрельцы притащили два ведерных бочонка водки, сберегаемой специально для подобных okazji. Принимающая сторона слегка оживилась, но приняла этот жест доброй воли как должное. Стол был длинный, русские и кабадьеро ди Ранейро сидели на восточной стороне, хозяева – на западной. Все были выше русских на целую голову и вдвое шире в плечах. Во главе стола разместился

князь – богатырского сложения, рыжий и конопатый мужчина в волчьей безрукавке поверх рубахи на могучем торсе и с массивными золотыми браслетами на запястьях. Два волчьих хвоста свисали с головной повязки. На шее – ожерелье из клыков какого-то хищника. Звали князя Йорг – очень распространенное на севере имя. Давешний старик сидел одесную князя. Как понял Корнелиус, это был казначей племени. Он же выступал в роли толмача. Антип Журба тоже толмачил, но хуже, из-за косноязычности. Ошую князя сидел молодой, лет двадцати трёх, мужчина в длинной белой рубахе с золотой женской фигуркой на груди. Жрец! Корнелиус так и впился в амулет глазами. Точно, он близок к цели!

Разговор за трапезой первоначально шел вежливый, о вещах нейтральных: добрый ли урожай, хороши ли в этом году уловы, не беспокоят ли лихие люди. Йорг улыбался, показывая крупные белые зубы:

– Нет, лихие люди к нам не суются! Видишь, – тут он повел рукой, – со мной за столом моя дружина! Да не простые воины, а сотники!

Корнелиус сосчитал: сотников было двенадцать. Стало быть, вся дружина... двенадцать сотен. Солидное войско!

Неожиданно Йорг спросил:

– Слушай! А сколько людей у московского государя за стол садится?

Дьяк Григорьев раздумчиво погладил бороду:

– Сам я за государевым столом не пировал, но от верных людей слыхал, что сотни две: ближние бояре, тысячники, иноземные послы и гости... А прибор-то столовый весь серебряный, а у государя – золотой!

Выслушав перевод, местные оживленно загомонили. Затем последовал странный, на взгляд Корнелиуса, вопрос, заданный казначеем Уго:

– А соль? Ну, сколько солонков на столах?

– Н-не знаю... – смешался начальник отряда, – Наверное, несколько. А что?

Казначей, помогая себе жестами, углубил тему:

– Ну, как пищу солят? По старшинству? Или как государь повелит? Или по жребии?

– Э-э... Да солят, как хотят! Кому недосол – тот берет и солит, сколь надобно! – несколько сконфуженно отвечал дьяк.

Корнелиус отметил, что на столе солонка была только одна и хозяйева ревниво следили, если кто из русских тянулся за солью.

Местные опять загомонили и Йорг почтительно наклонил голову.

– Ваш царь богат! У него много соли. А у нас соли мало, а солить и рыбу надо, и капусту...

Дьяк стал расспрашивать о ценах на соль на местных базарах и выяснил, что на Москве сей товар стоит в десять – двенадцать раз дешевле. Вот это да! Прикинув кое-что в уме, он решил по возвращении поговорить с братом, державшим лавку в Охотном ряду. А что? Войти с ним в долю, закупить соли, свезти корижам, а назад привезти мехов, да жемчугу окатного северного... Сторицей наживутся! Все одно сюда на тот год за ясаком ехать!

«Конечно, возы не нагрузишь из-за бездорожья-то, во व्यюках придется... Дороже, однако выйдет, лошадок-то много понадобится... А ежели водою? Нынче этот Йорг последний в списке, а коли с него на тот год начать, то можно и водою достигнуть... Сколько волоков получится? Надобно припомнить!»

Углубившись в сии приятные мысли, дьяк на время выпал из окружающей реальности.

Пир закончился и рабы принялись убирать со столов грязную посуду. Дружинники и стрельцы не спешили покидать свои места, допивали водку, хотя бы и без закуски. Естественно, кто же её, родимую, недопитую бросит!

Казначей, допив свой кубок, вытер бороду:

– Сегодня и завтра соберем, что должны, послезавтра отправитесь восвояси.

Дьяк, вынырнув из своих грез, кивнул. Естественно, князю придется в другие деревни посылать за ясаком.

В это время со столов было уже все убрано. Осталась только солонка, к которой за все время трапезы почти никто не притронулся. Солонка была серебряная, с крышкой, и вмещала двойную пригоршню соли. Раб, отрок лет четырнадцати, осторожно взял её двумя руками и двинулся прочь. И тут произошло страшное! Он споткнулся о длинную ногу Корнелиуса, собиравшегося встать из-за стола и перекинувшего свои нижние конечности через лавку! Парень качнулся. Все замерли. Падающий отчаянно пытался восстановить равновесие, но – увы! Он шумно рухнул на пол, расквасив нос. Солонка с размаху ударилась о ножку лавки, крышка отскочила, и крупная сероватая соль веером плеснула в пространство...

Секунду стояла потрясенная тишина, а затем раздался вопль. Нет, рёв! И князь, и дружинники исторгли из своих мощных глоток ураганную звуковую волну, шатнувшую обалдевших русских (и кабальеро ди Ранейро, конечно!). Затем вояки вскочили на ноги, опрокинув при этом лавки, и выхватили из ножен мечи. Опередив всех, князь подскочил к съёжившемуся виновнику переполоха и поднял его за волосы. Бледный до синевы, с закатившимися от ужаса глазами, тот болтался в могучей лапище Йорга, как тряпичная кукла.

– Ты, ничтожный сын самки свинской собаки, рассыпал СОЛЬ и тем навлек на город беду! Только твоя поганая кровь смоет грядущие несчастья! – проорал, брызгая слюной, князь в лицо бедолаге.

Корнелиус толкнул в бок Антипа и тот торопливо перевел шепотом, стараясь не шевелить губами.

Внезапно подал голос жрец, за все время пира не проронивший ни слова:

– Заклинаю тебя, Йорг, не проливай его кровь в своем доме!

– Это ещё почему? – выкатил на него налитые бешенством буркалы князь.

– Ну, полы, ведь, не крашенные, кровища впитается – не отмоешь. Вонять потом будет, а нам тут пищу принимать...

Князь захохотал. Дружинники тоже.

Корнелиус, которому пришла в голову важная и нужная мысль, возбужденно толкнул локтем Антипа:

– Скажи, что я хочу купить этого мальчишку!

Князь, наклонив голову набок, выслушал сие предложение с интересом:

– А что, ведь плату за жизнь этого поганца можно пожертвовать Богине, чтоб отвела беду!

– Вот совершенно, вот именно! – подтвердил жрец, – А кровь в жертву принести нельзя!

Йорг, все ещё держа за волосы несчастного раба, повернулся к Корнелиусу:

– Готов ли ты заплатить за него солью по весу?

– Да, о князь, я согласен. Но у меня нет с собой столько соли!

Князь осклабился и подмигнул:

– А ты купи у меня!

– Г-м... Сколько же ты хочешь за соль?

– Копейка за фунт! – быстро ответил за князя казначей и хитро прищурился.

Цена была невероятно высока! Посланник Папы быстро прикинул: лядящий мальчишка весит не более сотни фунтов... Стало быть, рубль? Ну, это доступно! Как источник информации, этот мальчишка стоит дороже, да и деньги на текущие расходы Святой Престол ассигновал.

– Я согласен! – повторил он, и казначей разочарованно вздохнул, ибо ожидал, что покупатель будет долго и яростно торговаться.

Все вышли во двор. Там уже установили весы, и на одну чашу положили всхлипывающего раба, а на другую мешочки с солью. Когда чаши уравновесились, раба бесцеремонно столкнули на землю, а вместо него стали подкладывать гири. Вышло сто пять фунтов!

Развязав кошель, Корнелиус отсчитал пять медных копеек и две серебряных полтины.

Князь повертел монеты в руке, укусил ядреным зубом. Убедившись, что серебро правильное, несильно пнул мальчишку в бок:

– Теперь он твой!

Не веря своему счастью, новокупленный раб на четвереньках подполз к своему избавителю от смерти и облобызал ему сапоги.

На ночлег всех определили в большом лабазе, предназначенном для хранения соленой и вяленой рыбы. Сезон рыбной ловли ещё не подошел, поэтому лабаз был пуст. Но пахло в нем крепко! Пока шли туда, выяснилось, что спасенный говорит по русски! Это ещё более повысило его ценность. Мальчишка-раб лебезил перед новым хозяином: натащил целый ворох соломы поодаль от стрельцов, разул, раздел, помог упаковаться в спальный мешок. Предложил почесать пятки перед сном, на что Корнелиус согласился с удовольствием.

– Как тебя, вообще, зовут? – мурлыкал хозяин движимого имущества, нежась от ласковых прикосновений к своим босым стопам.

– Самир, господин.

– Откуда ты есть родом?

– С Итиля... с Волги, господин. Половец я.

Про половцев Корнелиус ничего не знал. Да и какая, в принципе разница?

– Давно ты здесь?

– Давно, – Самир показал пять пальцев, подумал, и показал ещё один, – Вот, столько зим.

– В какого бога ты веруешь?

– Я не верую в Богиню, рабу не положено, а других богов я не знаю...

– Я научу тебя верить в Иисуса Христа. Это есть самый правильный Бог!

– Спасибо, господин! Конечно, я буду верить в него, если ты прикажешь!

В лабазе постепенно сгущалась тьма. Стрельцы, помолившись на ночь, ворочались, некоторые уже храпели. Сеанс массажа стоп закончился.

– Ляг рядом со мной, Самир!

– Слушаюсь, господин... я сделаю все, чтобы тебе было приятно...

Зашуршала солома.

– Да нет, дурак, ты просто ляг – и всё! Не прижимайся и не трогай меня... там! Руки! Руки убрал, я хочу только поговорить!

– Я понял, господин! Сейчас я расскажу тебе сказку! Вот, слушай: в одной деревне жили-были...

Корнелиус досадливо крикнул:

– Просто отвечай на мои вопросы, хорошо?

– Да, господин.

– Что ты знаешь о Золотой Богине?

– Всё, господин!

– Что: «всё»?

– Ну... Она вся золотая, но выглядит, как живая, и приносит племени удачу в охоте, рыбалке и войне, если люди приносят жертвы. Чем больше жертва, тем больше благоволение богини... Женам она помогает зачать дитя и разрешиться от бремени... Мужам восстанавливает ослабшую мужскую силу. Только для этого жертва должна быть самая большая: не менее трех быков. Да богиня ещё много чего может!

– Ты видел её?

– Нет, господин, её можно видеть лишь раз в году, на праздник Урожая, а мне нельзя, потому, что раб.

– Где она?

– Она в храме на площади, господин. Глубоко под землей.

– Можно ли туда войти?

– Нет, господин, стража убьёт тебя и я буду очень горевать.

Корнелиус задумался. Ясно, что проникнуть в храм просто так не получится. Что же делать? Подкупить стражу? Вряд ли... Подпоить? У него в аптечке есть сонное зелье... Нет, риск слишком велик... Штурмовать храм, собрав войско? Без толку, город хорошо укреплен, и идола сразу же перепрячут... да и где войско взять? Стрельцов-то всего тридцать... С наскоку решение не вытанцовывалось. Веки начали слипаться...

Вдруг Самир вновь подал голос:

– Войти туда нельзя, но, я думаю, можно вползти...

Сон мгновенно испарился!

– Как так, вползти?

– Ну, в прошлое лето жрецы убили в подвале, где лежит богиня, росомаху. Зверь прорыл нору и провалился в подвал, а обратно выбраться не смог. Дыру заделали камнями, но вход в нору так и не нашли. А я нашел!

– Да ты што-о! Ты проводишь меня туда?

– Я боюсь, господин. Вдруг мы застрянем, или стража заметит нас?

– Кто не рискует, тот не пьёт мальвазию! – наставительно изрек Корнелиус и щелкнул Самира по распухшему носу.

– Ой! Да я её вообще никогда не пил...

– Завтра ночью мы отправимся туда! А теперь – спать!

– Уже сплю, господин!

Пока они спят, Автор кратенько опишет своего героя.

Корнелиус ди Ранейро был младшим, четвертым сыном в семье обедневшего арагонского дворянина Филиппа ди Ранейро, и, таким образом, шансов на наследство у него не было никаких в любом случае. Оставалось надеяться на свою светлую головушку, крепкую руку, острый меч и удачу. Ну, и на дух авантюризма, бурливший в крови! Семнадцати лет Корнелиус, изучив искусство фехтования и стрельбы (важнейшие умения дворянина!), взвесил все шансы и решил на военную службу к королю Филиппу Осторожному не поступать (хотя и звали настойчиво!), ибо там скорее можно было найти смерть от пули или сабли, нежели богатство. В колониях же энергичный молодой дворянин мог разбогатеть довольно быстро, так как благородных людей на руководящие должности там не хватало. Поэтому он поехал в Америку, предварительно постигнув четыре действия арифметики и искусство вычислять дроби. Там, за пять лет, поучаствовав в разных авантюрах, сильно не разбогател. Зато случай свел его с умирающим от лихорадки монахом братом Педро, который передал ему письмо к самому Папе, утверждая, что за доставку Корнелиус получит щедрую награду. Так и случилось! Мало того, Григорий XIII дал ему корабль с отрядом головорезов и приказал плыть в Америку, на полуостров Юкатан, за сокровищами индейцев, обнаруженных тем самым монахом, братом Педро. Благословение тоже дал, а как же! Однако, перед расставанием тонко намекнул, что, если Корнелиус обманет Священный Престол, то будет отлучен от Церкви и предан анафеме. Ничего страшнее такой кары доброму католику и представить было невозможно, поэтому Корнелиус рисковать не стал. Потеряв в джунглях половину отряда, нашел сокровища и привез в Ватикан. Всё по честному сдал папскому казначею! Ну... почти всё. Папа остался доволен и дал новое задание, нынешнее.

На описываемое время кабальеро стукнуло двадцать семь лет – для мужчины пора зрелости в самом расцвете! Был он долговяз, худ и жилист, а также недурен собой. Бороду брил, усы же, наоборот, отращивал. В размахе эти усы, если их укрепить воском, уже достигали одиннадцати дюймов! Ещё немного – и будет полный фут!

Днем, пока дьяк Григорьев и стрельцы были озабочены погрузкой ясака – в основном разные меха и рыбий зуб (моржовый клык), Корнелиус с Самиром прогулялись по Кориже. За храмом, шагах в сорока, обнаружилась обширная городская свалка. А может – помойка.

Обломки дерева, кости, рыбы потроха... Воняло гадостно.

– Вот, господин, это здесь! – показал Самир в самую середину мусорной кучи.

– Что? – не понял Корнелиус.

– Вход в нору. Я рылся там, ибо был голоден, нашел несколько костей с хрящами и три больших рыбьих головы, совсем свежие. Там ещё было много еды, но я...

– Рассказывай про вход в нору! – раздраженно перебил раба Корнелиус.

– Да, значит, вход я нашел случайно, у меня туда нога провалилась. Я сперва испугался, но решил посмотреть, что там. И пополз. Только я не дополз до конца, забоялся, что меня заметят жрецы. Но я видел свет факелов сквозь щель в каменной стене.

Корнелиус задумчиво покусал губу. Место пустынное, ночью тут никого не будет. Стражи далеко и вокруг храма не патрулируют. Можно рискнуть! Вот, только, придется лезть в помойку... Одежду потом не отстираешь, пожалуй. Ну, он что-нибудь придумает!

Снова был обед у князя, на сей раз выставившего на стол не только пиво, но и меды. (Примечание: меды пьются очень тяжело! И наутро от них особо гадостное похмелье! Проверено Автором на добровольцах в лабораторных условиях!). Корнелиус ел умеренно и пить отказался: для ночного мероприятия нужна была ясная голова и тощее брюхо.

После того, как он пропустил подряд три тоста, князь нахмурился:

– Почему не пьешь, долгоусый? Что, не уважаешь нас? Али княжеское угощение тебе не по нутру?

Дружинники заржали. Стрельцы подобрались: вдруг князь всерьез разгневается и примется Корнейку казнить-убивать?

– Уважаю, очень уважаю! И угощение мне сильно нравится! Только я нынче животом скорбен... понос, ага!

Все сочувственно покивали. Князь повернулся к жрецу:

– Полечи-ка гостя, Дорен!

Жрец налил в кубок немного уксусу:

– Вот, выпей, сразу понос пройдет!

Пришлось выпить. Уксус оказался зело ядрёным, и Корнелиус аж в узел завязался. Позеленел, закашлялся...

Князь, сочувственно сдвинув брови, показал на него пальцем:

– Надо же, как с лица сбледнул!

Корнелиус попытался улыбнуться. Вышло неубедительно.

– Ну, что, прошло брюхо? – деловито поинтересовался жрец-лекарь.

– Прошло-о... – натужно выдавил пациент.

– Значит, пить можешь! Эй, штрафную ему!

Исцеленный понурился: избежать винопития не получилось.

Опростав здоровенный, на четверть ведра кубок, Корнелиус резко окосел и вскоре упал головой на стол. Больше к нему никто не приставал. Полежав немного, наш герой встал и, пошатываясь, покинул трапезную. С помощью подскочившего Самира он отправился в отхо-

жее место, где, засунув два пальца в горло, освободился от выпитого. До самой ночи валялся на соломе в лабазе, охая, если входил кто-нибудь из стрельцов.

В полночь, когда весь город погрузился в сон, Корнелиус и Самир крадучись выбрались из лабаза. Дойдя до помойки, оба разделись догола. Самир, пошарившись некоторое время в мусоре, негромко окликнул:

– Есть, господин! Нашел!

Корнелиус, зажав в зубах кольцо маленького фонаря с толстой сальной свечой, осторожно лег на живот и скользнул в нору. Кинжал он повесил на шею. Ползти было не просто, а, скорее, трудно. Плечи и зад постоянно задевали за каменные стены, пару раз нора меняла направление и приходилось извиваться, как жонглёру на ярмарке. После очередного поворота натолкнулся на крысу – огромную, как кошка. Крыса была очень недовольна вторжением в своё личное пространство: шипела, топорщила шерсть и пыталась атаковать. Пришлось доставать кинжал, но до схватки дело не дошло: грызун скрылся в какой-то щели. Самир осторожно сопел позади. Казалось, они ползли уже целую вечность... Внезапно свет фонаря уперся в стену, сложенную из грубых камней, ничем не скрепленных. Внимательно изучив кладку, Корнелиус выбрал парочку, изъятие которой не привело бы к обрушению всей стены, но позволило бы протиснуться внутрь. Поддев и расшатав кинжалом сначала один, а потом и второй, протолкнул их внутрь. Те упали без особого шума. Произнеся шепотом молитву ангелу-хранителю и передав сообщнику фонарь, кабальеро ди Ранейро вниз головой скользнул в открывшуюся пустоту. Падать оказалось не высоко – футов пять. Вытянутые руки спружинили, он перекатился через левое плечо, больно ушибив крестец об один из камней. Но, в целом, проникновение прошло удачно! Встав на ноги, он взял протянутый Самиром фонарь.

Взору предстало удивительное зрелище: в центре склепа размером сто на сто шагов стоял невысокий каменный постамент, на котором лежала статуя девушки, совсем такая же, что приснилась за прошлой ночью! Она статуя излучала мягкое сияние чистого полированного золота и смотреть ни на что другое было невозможно. Как зачарованный, Корнелиус подошел ближе. Девушка была красива, но непривычной красотой: высокая, ростом с самого Корнелиуса (а он был без одного дюйма шесть футов!), с длинной шеей. Головка изящная, увенчанная простым пучком волос, собранных на затылке в мячик. Высокий лоб, слегка выступающие скулы, прямой римский носик с деликатно вырезанными ноздрями. Губы полные, красивые, слегка улыбаются. Глаза... Корнелиуса бросило в дрожь при мысли, что бы с ним стало, если бы сии глаза с невообразимыми ресницами взглянули на него. Помер бы на месте, не иначе! Посмотрел ниже: маленькая грудь двумя округлыми холмиками радовала взор безупречной формой. Талия... слишком тонкая, у живых дев таких не бывает! Округлое лоно, довольно широкие бедра, переходящие в длиннющие ноги. В руках, сложенных под грудью, зеркальце. Набравшись храбрости, потрогал статую и вздрогнул: под пальцами ощущалось скорее тепло, нежели хлад металла! Тихонько постучал по бедру костяшками пальцев. Звук раздался тупой, деревянный. Не звонкий, не металлический. Ага, понятно: статуя деревянная, покрыта сусальным золотом! Но, до чего же тонкая, однако, работа!

Достав из мешочка на груди бумагу и свинцовый карандаш, принялся зарисовывать. В детстве он был очень неплохим рисовальщиком, даже в соседнее аббатство звали помогать фрески расписывать. Вот и пригодилось! Закончив, довольно хмыкнул: получилось очень похоже! С трудом оторвав взгляд от богини, осмотрелся по сторонам: вдоль стен полки, заваленные всякими ценными вещами, видимо, жертвоприношениями. Слитки меди, серебра и золота, оружие, драгоценные камни в сундуках... Много лет, а то и десятилетий собирали, не иначе! Внимание привлек странный меч на восточной стене, явно очень старый, судя по форме. Выглядел он, как отлитый в грубую земляную форму и затем не обработанный. В смысле, не отшлифованный. Взял, повертел в руках. Странный меч! Тяжелый широкий

обоюдоострый клинок... и не похоже, что металлический! Лезвие острейшее, но неровное, выглядит так, будто его никогда не точили, вынув из формы. Решил прихватить с собой, показать Папе. Дополнительное доказательство посещения склепа не помешает! Сунул в мешочек и горсть необработанных рубинов. Пора смыться! Подошел к отверстию в стене, в котором сверкнули глаза терпеливо ждавшего Самира.

– Лезь сюда!

Самир, кряхтя, просунулся в дыру. Осторожно спустив его на пол, Корнелиус объяснил:

– Я полезу первым, а ты подашь камни, чтобы заделать лаз. Затем я втяну тебя, ты положишь камни на место.

– Я понял, господин!

Корнелиус втиснулся в нору, оставив ноги снаружи, чтобы за них можно было ухватиться. Самиру легче, он тощий и гибкий, сможет извернуться, чтобы скрыть следы взлома. Как назло, погас фонарь! Ну, ничего, можно и на ощупь.

Самир просунул в нору камни, почему-то три, а не два, и по ногам господина вскарабкался следом.

– Ставь камни на место!

В ответ натужное пыхтение:

– Уже... ставлю...

Поползли обратно.

Осторожно высунув голову из норы, Корнелиус внимательно огляделся: никого, слава Деве Марии! Вылез, помог Самиру. У того в руках был какой-то предмет.

– Что это у тебя?

– Не знаю, господин. Я думал, камень, а оказалась деревяшка...

При свете луны Корнелиус рассмотрел деревянный цилиндр, украшенный резьбой. Ладно, потом разберемся! Вход в нору завалили сучьями.

Подхватив одежду, направились к озеру, никого не встретив по дороге. На пляже Самир долго тер своего господина песком, намыливал восемь раз, испотребив все мыло до тоненького обмылка. Этим обмылочком намылился сам. Вода была холоднющая! Оба промерзли до зубового стука. Зато теперь почти не воняли!

Вернувшись в лабаз, Корнелиус вытащил флягу с агуардиенте, сберегаемого с самой Италии. Отхлебнул несколько глотков огненной ароматной жидкости. Полегчало! Согрелся, зубы перестали стучать. Самиру не дал. Обойдется мальчишка!

(Примечание: агуардиенте – апельсиновая водка. Крепче русской водки шестнадцатого столетия вдвое! Пьется, тем не менее, на удивление легко, и наутро проявляется лишь сухостью во рту и небольшим головокружением! Проверено Автором на добровольцах в лабораторных условиях.)

Ближе полудню погрузка ясака на баркасы была закончена. Переплывши озеро, стрельцы погрузят остальное, а в уплату за баркасы отдадут лошадей. Простое и изящное решение! Водой-то возвращаться намного легче и быстрее. Конечно, будет восемь волоков, но самый длинный из них – всего-то с версту! Осилят, не впервой!

Подойдя к дьяку Григорьеву, Корнелиус попрощался:

– Что ж, Парфен, скатертью дорога! Я с моим рабом пойду на запад. Князь даст мне охрану до самого Ревеля, а там я морем сплыву в Европу.

Дьяк, остро взглянув на него, покачал головой:

– Нет, Корнеюшка, неладно, так-то! С Москвы с нами ехал, на Москву и воротиться должен! Князю Шуйскому отчет сделать – даром, что ли, он тебя с нами послал карты рисовать?

Лицо кабальеро ди Ранейро вытянулось:

– Не понял! Князь меня не посылал, только подорожную выписал!

– Ну, а мне приказано тебя обратно на Москву в целости доставить! Да ты садись, садись в баркас-то! Щас уже оплываем.

Корнелиус попятился, лихорадочно соображая, что делать. Дать дьяку денег? Не возьмет, для него гнев начальника Тайного Приказа сильнее жадности. Убежать? Додумать он не успел.

– Или силу применить? – усмехнулся Парфен в бороду, затем крикнул:

– Эй, Селифан! Помоги Корнейке в баркас залезть!

Оглянувшись, Корнелиус увидел сотника с тремя стрельцами у себя за спиной. Стояли они, вроде, в позах мирных, и оружия в руках не было, но было ясно, что в случае попытки к бегству навалятся и скрутят незамедлительно. Вздыхнув, Корнелиус полез в баркас. Следом Самир перекинул его пожитки и сел сам.

И началось путешествие на юг. По рекам, по озерам баркасы скользили легко. Погода стояла благоприятствующая, дождей было мало. Бабье лето! Листья уже теряли сочный зеленый цвет, в окружающих лесах начинал преобладать золотой и багряный. На стоянках стрельцы собирали грибы, во множестве растущие где попало. Корнелий к сим плодам Матери Сырой Земли относился с подозрением и не ел. Самир же лопал и нахваливал.

Путешествие длилось три недели – довольно быстро. Конечно, на волоках пришлось потрудиться: баркасы разгружали и с криками «Эй, ухнем!» волокли их от воды к воде. Затем снова грузили. Один волок – один день.

В Москву прибыли в конце Сентября...

Глава вторая

В Москву прибыли в конце Сентября. Последние две сотни верст ехали на телегах, которые выменяли на баркасы не то в Вышнем Волочке, не то в Великом Устюге, Корнелиус не запомнил, ибо был слаб в российской географии. Дьяк Григорьев ругался всю дорогу, но не матерно, ибо за это полагались кнуты, а окольными словами и выражениями: и телеги и лошади оказались весьма скверного качества: старые, расхлябанные, больные и рассохшиеся. Вдобавок, зарядили дожди, и дороги превратились в привычную непролазность, вдохновляющую дьяка на новые эпитеты, аллюзии и метафоры. Корнелиуса это очень развлекало и служило к улучшению владением русским языком. Короче, эти двести верст преодолевали почти столь же долго, как весь водный путь! Корнелиус простудился и чихал пушечными залпами. Усы его от сырости обвисли, подбородок зарос разбойничьей щетиной, ибо бриться в таких условиях на марше было никак невозможно. Фляга с агуардиенте опустела еще десять дней назад, а в кабаках водку подавали совершенно отвратительную! Стрельцы, впрочем, пили и не роптали. Пришлось пить сивуху и Корнелиусу, наступив на горло своему утонченному вкусу.

(Примечание: водка в описываемое время в России была двадцатиградусная, но очень хорошей очистки. Пилась легко, даже в жару, и голова наутро от нее не болела, только грусть-тоска ложилась на печень. Проверено Автором на добровольцах в лабораторных условиях! Просто в кабаках, через которые проезжал Корнелиус, целовальники, несомненно, химичили: развлекали казенную водку самогонкой.)

В Кремль въехали в весьма жалком виде, укрытые рогожами, но все равно мокрые насквозь и промерзшие до костей.

Все покрестились на колокольню Ивана Великого и дьяк Григорьев дал поднадзорному такое напутствие:

– Ну, вот, цареву службу справили! Теперича, Корнейка, ехай себе в готель к своим немцам. Когда надо будет, вызовут тебя.

Добавлять, что из Москвы уехать без подорожной невозможно, дьяк не стал. Это и так все знали. Корнелиус, распрощавшись с дьяком, поехал на Кукуй, в Немецкую слободу, где за вполне умеренную плату обрел европейский комфорт и покой в маленькой опрятной гостинице фрау Шлезингер. Хозяйка была вдовой в возрасте, кой много позже назовут бальзаковским. Звали ее Марта и была она вся кругленькая, как яблочко наливное: и румяные щечки кругленькие, и щедрые груди кругленькие, и ядреная попа – тоже кругленькая! Очень энергично она принялась заботиться о кабальеро ди Ранейро: согрела воды для ножной ванны, в которую всыпала изрядную дозу горчицы, организовала чай с малиновым вареньем, сваренным собственноручно на чистом сахаре. После сих процедур хотела еще обтереть вспотевшего пациента уксусом, но тот застеснялся и позвал для этого Самира. Спал выздоровевший Корнелиус в ту ночь на мягчайшей и пышнейшей перине, укрытый другой такой же периной! Блаженство, да и только! А под утро обнаружил у себя под боком фрау Шлезингер, соскучившуюся вдоветь третий год и решившую брать от жизни всё. Хотя она и была лютеранкой, а Корнелиус – тайным католиком, у них, к обоюдному удовольствию, все получилось!

Два дня наш путешественник наслаждался радостями жизни: ел айсбайн (свинину с тушеной капустой), пил рейнское и мальвазию, отсыпался на перине, приправленной ласками вдовы-хозяйки. В промежутках писал отчет о командировке. На третий день за кабальеро ди Ранейро пришли.

– Князь Шуйский требует тебя, Корнейка Диранеров, пред свои светлые очи не мешкая ни часу! – объявил бородатый посланный в богатом, но грязноватом кафтане.

Представиться он не удосужился.

И отправился Корнелиус в Кремль под конвоем двух стрельцов с бердышами. Там, спустившись по темной лестнице, пришлось ждать в душных сенях довольно долго. Естественно, у князя и другие дела есть! Да и с какой стати ему торопиться? Наконец, когда Корнелиус уже успел перенервничать и основательно соскучиться, дверь приоткрылась, и давешний бородастый поманил его пальцем:

– Взойди!

Снявши шапку, Корнелиус вошел. Дверь была низкая, пришлось пригнуться. Бородастый порученец повел рукой:

– Вот, княже, Корнейка Диранеров по твоему приказанию доставлен!

Дородный боярин в богатой шубе и собольей шапке сидел за столом в креслах. В уголке примостился писец с чернильницей и перьями.

Корнелиус поклонился.

– А! Синьор картограф! – широко улыбнулся князь, – Ну, рассказывай, да показывай, что начертил!

Сесть не предложил, потому докладывать пришлось стоя. Подробный рассказ, иллюстрированный рисунками и картами, занял более часу. Князь слушал внимательно, не перебивая, выглядел довольным. Писец шустро шуршал пером по бумаге.

– ... таким образом, виды торговли с оными народами представляются зело перспективными, – закончил Корнелиус и перевел дух.

– Молодец! – похвалил князь, забирая бороду в горсть, – А теперь скажи-ка: кто тебя послал нашу землю высматривать? Да не ври, коли хочешь шкуру целой сохранить! Онуфрий! Покажи-ка ему!

Порученец, осклабясь, снял со стены кнут.

Корнелиус помертвел: всё! Сначала в кнуты, потом дыба, потом...

– Послал меня Папа Григорий... – дрожащим голосом признался он.

– Ого! – удивился князь, – Сам Папа? Надо же! А чем докажешь?

Дрожащими руками Корнейка Диранеров протянул ему папскую охранную грамоту. Шевеля толстыми губами, тот принялся разбирать латинский текст. Близоруко шурясь, рассмотрел печать. Хмыкнув, вернул. Побарабанив толстыми пальцами по столешнице, коротко бросил:

– Цель задания?

– Э-э... Святой отец прослышал, что есть некий народ... на севере... идолу золотому поклоняется. Вот и поручил мне узнать елико возможно больше о сем идоле...

– А! Золотая Баба! – несколько разочарованно вздохнул князь, – Верно, есть такая в Кориже, у князя Юрги. Только не золотая она, позолоченная, и цена ей грош ломаный. Ну, и что ты выяснил? В подземелье лазил, знаю. Меч вынес, рубины. Ещё чего?

«Всё знает!» – смятенно подумал Корнелиус, – «Но, откуда?»

Вслух же сказал:

– В подземелье... там много и золота, и камней самоцветных... много лет копилось... Большое богатство! А статуя я зарисовал...

Он вынул рисунок и подал князю. Тот бегло глянул и, буркнув:

– Срамота! – бросил лист на пол.

Снова побарабанил пальцами, напряженно о чём-то думая.

– Ин, ладно! Всё рассказал верно, не соврал... Большая, говоришь, казна?

– Большая... Только, чтобы её захватить, войско немалое понадобится. Да и то, пока биться будут с корижами, жрецы все в другое место перепрячут. Даже и раньше перепрячут, едва узнают, что войско на подходе.

Князь покивал, соглашаясь. Затем приказал:

– Онуфрий! Принеси его мешок!

Онуфрий вышел в сени и сразу вернулся с вещами Корнелиуса. Князь рассмотрел рубины, отодвинул их в сторону. Взял меч:

– Эва, странный какой! Не сталь... и не бронза... Литье, не ковка... Каменный, что ли?

Несильно рубанул по лежащему на столе кнуту и выпучил глаза в изумлении: и витая кожа, и деревянная рукоять толщиной в два пальца пересеклись, как восковые свечи, а меч плотно засел в дубовой столешнице.

– Вона, как оно! Ну-ка, Онуфрий, прибери!

Тот осторожно взял меч и положил на полку.

Из мешка явился деревянный цилиндр, украшенный резьбой. Князь повертел его в руках:

– Это что?

– Не ведаю. Мальчишка мой по ошибке прихватил...

Князь подергал цилиндр за концы и тот вдруг распался на две половины. Оказалось, что это футляр со свитком пергамента внутри. Пергамент оказался исписанным странными письменами. Повертев его так и эдак, князь пожал плечами и закрыл футляр. Онуфрий, повинуясь движению брови, переложил непонятный предмет со стола на полку, где уже лежал меч.

– Ступай! – махнул начальник Тайного Приказа Корнелиусу, – Ерёмка! Выпиши ему подорожную!

Писец надул щёки и принялся очинивать перо.

От облегчения Корнелиус едва не потерял сознание. Отпускают! Живого! Непоротого!

– Э-э... Могу я забрать свои вещи?

– Да забирай, на что они мне!

Подобрав с полу рисунок статуи, кабальеро ди Ранейро робко взглянул на рубины. Князь кивнул.

Ссыпав камни в карман, арагонец включил наглость:

– А меч?

Князь нахмурился. Корнелиус торопливо поклонился. Ну, и пусть! Подумаешь, какой-то меч!

Пятясь и кланяясь, вышел в сени, стукнувшись затылком о притолоку. Истово перекрестился слева направо и вознес молитву Пресвятой Деве. Вывалился на крыльцо. Здравствуй, свобода!

Со ступенек вскочил Самир. Увидев его, Корнелиус все понял: мальчишку допросили ранее, и тот, конечно же, все рассказал. Князь сличил показания и выяснил все, что ему нужно без всяких пыток. Ну, и Слава Богу! От избытка чувств дал Самиру подзатыльник.

– За что, господин? – обиделся тот.

– За то! Язык у тебя больно длинный! Ладно, бери мешок, пошли домой!

Вернувшись к себе, засобиравшись в дорогу. Собственно, особенно собирать было нечего, все своё носилось с собой. По хорошему надо было бы дожидаться санного пути, но Корнелиус решил не рисковать: мало ли, что ещё князю Шуйскому в голову придет? Сейчас отпустил, а завтра – Бог весть! Неделя ушла на поиски подходящего купеческого каравана – в одиночку по Московии разъезжать не рекомендовалось из-за разбойников. Наконец, нашел: европейские купцы, среди которых нашлось даже двое земляков-барселонцев, отправлялись в Варшаву и далее в Париж. Начальник стражи, состоящей из двух дюжин наемников, согласился нанять Корнелиуса, впечатленный его молодецким видом, особенно усами. Ну, и рассказами о приключениях в Америке тоже! Очень хорошо! Ещё и денег за дорогу подзаработать получится!

Самира Корнелиус договорился посадить на один из возов, сам же решил ехать верхом. За день до отъезда отправился на конскую ярмарку на Таганку. Выбор был не шибко большой. В основном продавались рабочие лошадки и просто старые клячи, годные лишь на живодерню.

Годный под седло конь нашелся после целого часа блужданий: вороной жеребец, красавец, захваченный, по словам продававшего его кряжистого цыгана, у татарского хана.

– Ты только посмотри, мил-человек, какие у него грудя широкие! А ноздри! Неделью скакать во весь опор будет без остановки – и не устанет нисколько! И жрет мало – всего горсть овса на сто верст! – разливался соловьем продавец.

– Сколько же ты хочешь за него? – ненавязчиво прервал сии рекламные живописания Корнелиус, между нами говоря, в лошадях разбиравшийся слабо.

Цыган, знаток не только лошадей, но и людей, окинул потенциального покупателя смысленным взглядом: богатый иноземец, гражданский, не кавалерист (ноги-то, не кривые!), в лошадях видит лишь красоту.

– Дык, боярин, как отдать! Такого-то красавца! Да за него и пятьдесят рублѐв мало! Вот, только для твоей милости: сорок пять!

Цена была явно завышена.

– А дешевле? – скучным голосом спросил араговец, пытаясь скрыть огонь в глазах, ибо конь ему ужасно понравился, – Скажем, за пятнадцать?

Цыган в притворном ужасе схватился за сердце:

– Пятнадцать! Да мне пятнадцать плотют чтоб я его привел кобылу покрыть! Не, за сорок – ещё куда ни шло, хоть и себе в убыток.

Они торговались ещё полчаса, и цыган снизил до тридцати пяти.

– Я продолжаю хотеть, чтобы ты сбросил ещё пятерку! – от волнения Корнелиус слегка запутался в русском языке.

Цыган упирался:

– Не, никак не возможно! У меня ж семья большая... и сам я пьющий!

Внезапно около них возник Самир, оставленный в гостинице.

– Ты что? – удивился Корнелиус.

– Да я почувствовал, господин, что тебе помощь нужна!

Быстро осмотрев зубы, копыта и брюхо животного, Самир выдал заключение:

– Возраст двадцать лет, бабки опухшие, страдает запорами. Грыжа. Не покупай, господин.

– Да что ты понимаешь, пацан! Какая-токая грыжа! – вскинулся цыган.

– Я? Я под конем родился и кобыльем молоком вскормлен! Потому, что половец. А грыжа вот она, посередке брюха, посмотри, господин!

Заглянув под брюхо, Корнелиус убедился, что мальчишка прав: там действительно усматривалась и прощупывалась грыжа.

Цыган занервничал. Чувствуя, что сделка срывается, торопливо предложил:

– Ладно, боярин, так и быть, бери за тридцать рублѐв! А грыжу тебе, ну, коню, то-есть, любой коновал за полтину вырежет!

– Нет, спасибо!

Цыган ненавидяще ожег разоблачителя своей плутни тяжелым взглядом и шепотом проклял его жгучим цыганским проклятием.

С помощью Самира за вполне умеренные десять рублей (просили сначала восемнадцать!) был куплен шестилетний буланый мерин. Конь был отнюдь не арабских кровей. Далеко не! Зато животное было смирное, покладистое и выносливое – могло трюхать рысцой без остановки целый день. Кличка у него была смешная: Фуня.

– Зело часто ветры пущает! – смущенно улыбнувшись, пояснил продавец, передавая повод, как положено, из полы в полу.

Ну, это пустяки, дополнительная развлекуха в пути! Корнелиус проникся к своему рабу уважением и купил ему петушка на палочке. Седло у шорника обошлось в два рубля.

Из Москвы выехали в середине Октября, оставив в гостинице рыдающую фразу Шлеингер, утверждавшую, что разлуки ей не перенести, но при этом радостно щупавшую в кармане передника толстенный кошелек, оставленный кабальеро в уплату за постой, ну, и сверх того несколько монет на память о постельных утехах.

Несмотря на тяжесть расставания, настроение у Корнелиуса прямо-таки пузырилось радостью: он, живой и невредимый, возвращался в Европу, в Рим, где его ждала награда за выполненное задание!

До Варшавы доехали без особых приключений, если не считать трёх схваток с разбойниками где-то на Украине. Обычно те избегали нападать на хорошо охраняемые караваны, ибо шайки редко насчитывали более десятка лиходеев, да и оружие у них было скверное: топоры да дубины. Ну, ещё луки, а иногда одна пищаль на всех. Во всех трёх схватках охрана уверенно одержала победы: две нокаутом и одну по очкам, причем Корнелиус лично зарубил двоих. Не обошлось, к сожалению, без потерь, которые составили одного убитого наемника (не повезло бедняге, прямо в горло попала стрела!), и одного раненого (этому, наоборот, повезло: топор скользнул по шлему и только перерубил ключицу!). Корнелиус же, наскочив в третьем бою на верзилу в драном армяке, сильно ушиб колено об его башку. Колено опухло и болело почти до самой Варшавы. Ну, и хромота мешала. Лечился он, по совету бывалых вояк, украинской горилкой (с перцем!) и салом. Самир дважды в день растирал горилкой колено, а потом смазывал салом и накладывал тугую повязку. Горилка также регулярно употреблялась и внутрь, но сало, попробованное однажды, Корнелиус отверг, потому что не понравилось.

По мнению Автора – темный, неразвитый человек! Ибо горилка с перцем и сало на закуску есть высшее достижение украинской цивилизации! Пьётся легко, отлично согревает в холода, а наутро никаких последствий, кроме изжоги и отрыжки! (Проверено Автором на добровольцах в лабораторных условиях!).

В Варшаве было решено отдохнуть три дня. Ну, там, в баню сходить, полечить мозоли набитые седлами на задницах, и вообще – отдышаться. В корчме, гостеприимно распахнувшей двери шести утомленным путём-дорогой охранникам, было замечательно: тепло, чисто, и даже оркестр играл – скрипка, гармошка и бубен. Цыгане, значит. Играли они по такому принципу: даешь монету, заказываешь песню – играют. Не даешь – не играют. Охранники, соскучившиеся по искусству, заказывали музыку весь вечер! Подавальщица, по имени Зося, шустро носила на их столик напитки и закуски. Была она веселая, совсем молоденькая, лет девятнадцати, и с очень интригующими искорками в глазах. В середине пира она невзначай коснулась Корнелиуса бедром и того как огнем обожгло! Дернувшись, наш герой разлил вино, которое собирался выпить. На стол и на штаны!

– Ой, пан! Я сейчас вытру! – всполошилась Зося, выхватывая из-за пояса полотенце.

Короче, от её прикосновения к своему... э-э... (ну, вы поняли!) Корнелиус испытал нешуточное возбуждение, не оставленное девушкой без внимания. Она пристально посмотрела усатому кабальеро в глаза. С прищуром посмотрела! А ночью пришла и поделила с ним ложе. И так все три ночи!

Восстановив силы, отправились далее, в Париж, до которого было уже рукой подать. Колено зажило, хромота прошла. Корнелиус ехал на своем буланом молодец-молодцом! Но на вторую ночь беднягу поразил новый недуг: зуд в паху! Чесался всю ночь напролет, даже ноготь сломал! Изодрал кожу вокруг мужского достоинства в кровь! А утром, при свете дня, выяснилась причина: мелкие такие насекомые – лобковые вши! Прокляв неожиданных гостей специальным арагонским проклятием, Корнелиус принялся за лечение, рекомендованное одним из барселонских купцов: сначала велел Самиру сбрить все волосы на теле, пощадив лишь усы, которых было жалко, затем обработал пах и подмышки дегтем. Ох, и жгло, ох и свербело! Но пришлось терпеть, куда же деваться. Усы, на всякий случай, тоже смазал дег-

тем, отчего они приняли совершенно жуткий вид. Перед отправлением в путь сии усы увидел начальник стражи Питер, баварец, также ночевавший в той корчме.

– А, значит, пани Зося и тебя наградила карманным зверинцем? – грустно хихикнул он, почесывая промежность.

Корнелиус, ранее с венерическими заболеваниями не сталкивавшийся, был потрясен: неужели, эта гадость и впрямь от Зоси? А такая, с виду, славная девушка! Он-то думал, что она пришла к нему в первую же ночь по зову сердца, из-за внезапно вспыхнувшей страсти, как фрау Шлезингер! Зося была нежная и удивительная, страстная и покорная, изобретательная и шаловливая. Правда, каждое утро требовала:

– Подарок дай!

Ну, подарил ей три золотых дуката на монисто... А она, оказывается, ещё и с Питером спала! У-у, продажная тварь!

В обед выяснилось, однако, что не только с ним и Питером: с остальными охранниками тоже! И у всех одна беда...

В Варшаве половина охранников уволилась, ибо разбойников на предстоящем маршруте почти не было. Корнелиус остался – от Парижа до Рима добираться гораздо удобнее, чем напрямую из Польши.

Дорога плавно текла по Германии, нанизывая на себя маленькие баронства, курфюрства, герцогства и королевства, как нитка бусы. Наступила европейская зима – мягкая, бесснежная. Караван легко катился по дорогам, щедро посыпанным щебенкой. Дорожные указатели на развилках извещали о приближении того или иного населенного пункта. Гостиницы были везде опрятные, по двору можно было ходить хоть босиком, не опасаясь вступить сами знаете, во что. И везде подавалось замечательное пиво, в каждом городке разное! Корнелиус попил от души и темного, и светлого, и пшеничного. Германское пиво – отличный напиток! Пьётся легко даже в больших количествах, от него приятная отрыжка, а наутро только кислый привкус во рту, который ничем, к сожалению, не смоешь, но который проходит к обеду самостоятельно, да! (Проверено Автором на добровольцах в лабораторных условиях!)

А, вот, с вином было плохо! Вернее, с вином-то хорошо, плохо без вина. Местные жители виноград не сажали, и вина не сквашивали. В торговой сети было только привозное – французское да итальянское, очень дорогое. Испанского вообще было не достать. Так что, пока Германия не кончилась, вина не пили. Из экономии. И из принципа.

Ущерб здоровью, подхваченный в Варшаве, был устранен, и мужское естество кабальеро снова требовало женского естества. Женщины в Германии были правильные: фигуристые, чистенькие, здоровые (по первому требованию предъявляли справку от врача не более, чем недельной давности) и честные: сразу объявляли цену, вполне, кстати, умеренную. По сравнению с печально памятной Зосей выходило дешевле в десять раз! Корнелиус, грустно сознавая, что впадает в соблазн и грешит, был не в силах сдержаться и несколько раз прибегал к их услугам, всякий раз оставаясь разочарованным: вроде все правильно, за свои деньги получил, что хотел, но чего-то не хватало... Потом понял: скучные они, никаких вулканических страстей, одна деловитость. Ни поговорить с ними, ни пошутить... и поцеловать не даются! В этом смысле Зося, пылкая, как пожар в пампасах, превосходила их настолько, насколько бриллиант превосходит стекляшку. То-есть, выходит, не переплатил тогда Корнелиус! Ну, а насекомые... что ж... издержки случайных половых связей!

Дорога резко свернула влево, и река, вдоль которой караван шел уже три дня, осталась позади. День клонился к вечеру. Солнце, изрядно опустившееся к горизонту, принялось слепить глаза. Корнелиус надвинул шляпу на самые брови. Конь Фуня мотнул головой, зажмурился, прижал уши и, в одиннадцатый раз за последние полчаса, громко пукнул. Араговец хихикнул, услышав приглушенное проклятие Андреаса, ехавшего сзади. Подобные мелкие

глупости развеивали дорожную скуку! Вскоре их обступила дубрава. Под дубами паслось две дюжины упитанных свиней, а приглядывал за ними мальчишка-оборванец.

– Эй, свинопас! – дружелюбно окликнул его Питер по немецки, – Далеко ли деревня?

Мальчишка не спеша подошел и развел руками:

– Нихт шпрехен дойч! Парле ву франсе, месье?

– Франсе? Нон... Эй, ребята, кто-нибудь по французски знает? – с надеждой обернулся Питер к отряду.

Корнелиус знал французский довольно хорошо, ибо в детстве у него был учитель фехтования – пленный мушкетер, француз из Шартреза. Поговорив со свинопасом и дав ему монетку, полиглот торжественно возвестил:

– Это прекрасная Франция, господа! Деревня – вон там, за рощей, всего в половине лье!

– Надо же, как бывает! То все Германия, Германия, а вдруг – р-раз! – и сразу Франция! – простодушно удивился Андреас, самый молодой из охранников, ранее по Европе не путешествовавший.

Воодушевленные предвкушением скорого отдыха, караванщики подхлестнули коней и через полчаса уже размещались на ночлег на постоялом дворе.

И началась лучшая часть путешествия! Франция! Страна трёх мушкетеров с д'Артаньяном и гвардейцев кардинала, многочисленных Людовиков, интриг, заговоров, прекрасных дам, вроде Констанции Бонасье, королевы Анны Австрийской и герцогини де Шеврез, а так же сочинителя Александра Дюма, всех их описавшего! Позже там родится Ги де Мопассан, Клод Моне и инженер Эйфель, но до того произойдет Великая Французская Революция: Дантон, Робеспьер, Марат и прочие санкюлоты, кюлоты и якобинцы-жирондисты... Доктор Гильотен изобретет гильотину! А духи! А кружавчатые лифчики! А шампанское! А коньяк! Ну, и Наполеон Буонапарт, конечно. Он, вообще-то, корсиканец, но в историю Франции внес весомый вклад! Короче, легендарная страна!

Целых одиннадцать дней они шли по расстилавшейся перед ними панораме, смотреть на которую без восторга было невозможно: симпатичные городки с домами под черепичными крышами, старинные замки на холмах, шпили церквей, монастыри, обнесенные крепкими высокими стенами. Ну, и вино в изобилии! Красное, белое, розовое, сухое, полусухое, сладкое! И шампанское! Не путать с дешевыми шипучими винами! От настоящего шампанского, произведенного традиционным методом брожения в бутылках, сколько не выпей, возникает состояние эйфории и только усиливается, а наутро ничего, кроме радости пробуждения. А от дешевой шипучки опьянение тяжелое, дурная голова и бурчание в брюхе. Наутро же маята и блевать тянет. Проверено Автором на добровольцах в лабораторных условиях!

Выдержка из дневника кабальеро ди Ранейро:

«Месяц Новембрий, 23 день.

Миновали ещё одну деревушку, название не помню, ибо был пьян: отмечали именины Питера. Пытался уговорить какую-то мамзель. Опять не удалось! Вообще, женщины во Франции чрезвычайно добродетельные, не дают даже за деньги, потому, что, дескать, нельзя! Но бывалые люди говорят, что в городе Париже есть специальный квартал, где можно всё! Освещается красными фонарями, чтоб легче найти дорогу. Правда, там, по слухам, можно подцепить Французскую Блезнь, от которой проваливается нос. Вчера видел одного такого безносого беднягу. Ужас какой! Получается, что, пока Франция не кончится, я буду лишен женского тепла... и тела тоже. Придется терпеть, монахи же терпят. Завтра мы уже будем в Париже.»

Париж! Никогда ранее не бывавший в столице Франции, Корнелиус жадно озирался по сторонам. Караван, конечно, двигался не в сторону Лувра, или, там, Версаля, и даже не к собору Нотр Дам де Пари. Улицы вымощены далеко не все, узкие, кривоватые. Канавы с плавающими в них нечистотами. Дома каменные, но красотой архитектуры не блещут. Типич-

ный, в общем, вид города, еще не вышедшего из эпохи средневековья. Пройдет более трехсот лет, прежде, чем в нем для красоты построят Эйфелеву Башню! Тем не менее, этот город пользуется заслуженной славой и уважением у всего прогрессивного человечества, потому что там жил Ленин и от этого случилась Парижская Коммуна! Конечно, это будет позже, но и в 1580 году уважения Парижу было не занимать.

Наконец, караван достиг цели путешествия – рынка. Корнелиус, видевший рынки в Риме, Мадриде и Гамбурге (Москва не в счет, там рынки так себе!), был потрясен гигантскими масштабами коммерции: здесь продавалось что попало и все подряд, в любых количествах! Даже хомячки! Даже... даже... Корнелиус едва с Фуни не сверзился от изумления: в лавке были выставлены муляжи... э-э... мужских причинных мест! В натуральную величину, побольше... и совсем гигантские! Две средних лет монахини без всякого смущения торговались с хозяином этого невообразимого товара. Корнелиус остановился посмотреть. Вскоре монахини, погрузив в сумки свои покупки (два десятка изделий не самого малого размера!), ушли.

Лавочник широко улыбнулся:

– Что угодно вашей милости?

– Это... как это... почему? – пролепетал наш провинциал, пытаясь втянуть обратно в череп выпученные глаза.

Лавочник, уловив иноземный акцент, легко перешел на кастильское наречие:

– Синьор не здешний? Это последняя новинка сезона: заменитель мужчины для одиноких дам. Изготовлено из каучука, добываемого в Южной Америке. Слышали, наверное?

– Да, я слышал про каучук... Но, зачем это всё дамам? Разве не естественнее найти мужчину, ежели... э-э... невтерпеж?

Лавочник вздохнул и набожно перекрестился:

– Во первых, прелюбодеяние – грех! Поэтому среди моих покупательниц много монахинь, дам, разлученных с мужьями, и просто одиноких: сами понимаете, синьор – у кого муж на войне, а у кого и в тюрьме... Опять же, есть дамы... э-э... менее красивые или немолодые, им кавалеров не найти, а радостей жизни хочется. А в моих игрушках греха нет! Вот, извольте убедиться, копия экспертного заключения Святой Инквизиции, – он, порывшись под прилавком, достал пергаментный свиток.

Пергамент был изрядно замусолен, видно, его приходилось предъявлять довольно часто. Корнелиус внимательно прочел латинский текст: все верно, в представленных на экспертизу изделиях греха не обнаружено!

– Во вторых, – продолжил лавочник, – во Франции нынче свирепствует Французская Болезнь, а значит, случайные половые связи очень рискованны. Разумные люди, дабы не терпеть мучения безбрачия, но и не подхватить заразу, обращаются ко мне и получают приятное решение сих проблем. Кстати, при употреблении моих изделий ещё и нежелательные беременности исключены!

Корнелиус крепко задумался. Доводы в пользу каучуковых фаллоимитаторов были очень логичны и сильны!

Внезапно в голову пришла мысль, от которой все лицо его запунцовело.

– Скажи, купец... если есть товар для женщин... а для... мужчин? – запинаясь, спросил он.

Продавец изумленно всплеснул руками:

– Ну, а как же! Вот она, красавица, прямо перед вашей милостью! – и ткнул пальцем в угол лавки.

Корнелиус посмотрел в указанном направлении и обомлел: там была искусно сделанная кукла! И впрямь, красивая! Большие синие глаза, пухлые, улыбающиеся губы. Среднего роста, с роскошными кудрявыми белокурыми волосами, увенчанными чепцом, с большой, аппетитной грудью и широкими бёдрами, одетая в тонкую рубашку.

– Её зовут Камилла, – лукаво пояснил искуситель-торговец, – С ней вы сможете осуществить любые свои фантазии, синьор! Возможно даже то, на что живые женщины не способны! Даже уши и ноздри открыты для вас, не говоря уже об... э-э... более традиционных доступах! Калибр везде разный. К тому же, она девственница, и может быть таковой каждый раз, когда вы этого пожелаете!

– Не понял! Это как это?!

– Ну, если вы пожелаете, то сможете купить у меня сменные вкладыши.

Это был *Coup de Grace*, добивающий удар!

У Корнелиуса сперло в груди и забурлило в животе от переживаний, предвкушений и разыгравшихся фантазий..

– Э-э... Грхм... Я путешествую... и транспортировка... короче, мне её некуда деть...

– А! Так синьор заинтересовался? – весело воскликнул лавочник, – Смотрите же!

Он пошарил на затылке у Камиллы и вдруг... Раздался негромкий свист и шипение. Кукла съёжилась на глазах!

– Она... надувная!? – пролепетал Корнелиус, едва не теряя сознание.

– Вот именно, синьор! В ненадутом состоянии она занимает так мало места, что даже смешно говорить! Вы можете носить её в кармане камзола!

Корнелиус слегка пришел в себя. Вот оно, решение проблемы! Можно не бояться Французской Болести и оставаться безгрешным!

– Сколько же ты хочешь за эту... забавную игрушку? Я бы купил... не для себя... для товарища... Для розыгрыша!

– Понимаю, синьор! Конечно, не для себя! Такому красивому шевалье, как вы, совсем не трудно найти девицу для услаждения плоти! Вам не откажет даже герцогиня!

– Короче, купец!

– Двести дукатов! Цена специальная, только для шевалье!

Очень дорого, г-м!

– А... брюнеток нет?

– Увы, синьор! Расхватили с утра всех – и брюнеток, и рыжую! – тут продавец заговорщицки понизил голос, – Между прочим, рыжую купил для своего господина главный евнух гарема турецкого посла! Камилла последняя, потому и цена такая низкая: с витрины отдаю. Да, я забыл об одном пустяке...

Сноровисто надув Камиллу заново, купец нажал ей на нос и раздался страстный выдох:

– О-о-о!

Корнелиус понял, что купит это чудо во что бы то ни стало.

Поторговавшись минут сорок, стороны достигли консенсуса: сто шестьдесят дукатов. Ещё за десять дукатов были приобретены две сотни вкладышей восстановления девственности, тоже каучуковых. Когда счастливый покупатель уже прятал покупку в седельную сумку, продавец дал последний совет:

– Скажите тому, для кого вы купили Камиллу, что перед употреблением необходимо смазывать её внутри оливковым маслом, дабы избежать потертостей и преждевременного износа, а после употребления – промывать. Кстати, для пущей приятности можно вместо воздуха закачивать в неё теплую воду!

– А то бы я сам не догадался! – заносчиво воскликнул Корнелиус, уже вернувший самообладание.

Отъехав, он заметил, что руки его слегка дрожат от пережитого стресса. Ну, Париж!

На постоялом дворе при рынке его нетерпеливо ожидал Питер:

– Ну, наконец-то! Изволил припожаловать! Вот твоё жалованье, Корнелиус, изволь пересчитать!

Корнелиус взял протянутый кошель и, не глядя, положил в карман. Питер пожал плечами:

– Куда ты теперь? Может, наймешься к купцам, идущим в Кастилию? Платят нормальные деньги, а риск минимальный, только в Пиринеях разбойники шалют! Наши почти все подписались!

– Нет, Питер. У меня дела в Риме...

– А! Ну, как знаешь. Посидим вечерком на прощание?

– Всенепременно и всеобязательно!

Вечером все охранники гуляли прощальную вечеринку. Корнелиус пил мало и выглядел задумчивым. Оживился он только когда принесли коньяк. Сей напиток был ему неизвестен, но очень понравился. Вкус подвяленного винограда, тепло южного солнца, деликатный аромат клопов. Приятное длительное послевкусие, крепость агуардиенте... даже и покрепче, пожалуй! А ещё коньяк наваял романтическое настроение. Такой напиток надо бы пить, согревая в ладонях и вдыхая аромат, вместе с прекрасной дамой, любезной сердцу... но дамы не было. В Париже у подавальщиц было только одно ремесло, и на заигрывания они не отзывались.

– Монмартр всего в двух шагах, господа! Там, под красным фонарем, вы найдете всё, что вам нужно! – шлепали они по рукам подвыпивших вояк, пытавшихся щипать их за попки.

Некоторые вняли увещаниям и ушли в ночь на поиски приключений. Корнелиус же, поднявшись в свою комнату, сначала долго сидел на кровати, собираясь с духом, затем вынул из кармана Камиллу и принялся её надувать...

До Рима кабальеро ди Ранейро и его раб добрались без особых приключений. Самиру в Париже была куплена резвая кобылка, так что ехали быстро, налегке, не тормозимые караваном. Только в Бургундии у Корнелиуса была благородная стычка с другим путешественником, дворянином из Лиона. Сей дворянин на ночь глядя ввалился в таверну, гостеприимно приютившую нашего героя.

– Я Шарль де Левињи, шевалье из Лиона, – спесиво объявил он хозяину заведения, – Ты извещен о моём прибытии и должен был приготовить комнату.

Трактирщик зашелестел записной книжкой:

– Да, месье, все верно, я был извещен письмом и комнату приготовил. Но вы прибыли после заката.

– Ну, и что?

– Расчетный час, месье, у нас считается от заката солнца. По правилам, после заката начинаются другие сутки, и неостребованная комната предоставляется первому, кто в ней нуждается.

– То-есть, ты хочешь сказать, каналья, что отдал мою комнату какому-то проходимцу, прибывшему раньше меня?

– Ну, почему же, проходимцу! Вполне достойный арагонский дворянин!

– Г-м... А другие комнаты есть?

– Увы, месье, нету!

– Тогда вышвырни этого самозванца!

Трактирщик понял, что скандала не избежать, и попытался разрулить ситуацию:

– Почему бы вашей милости не пойти в трактир напротив? Там наверняка найдется комната, такая же комфортабельная, как у нас. Правда, их кухня с нашей не сравнится, к сожалению.

Шевалье де Левињи встопорщил усы:

– Я буду ночевать здесь! И сам вышвырну наглеца, занявшего моё место! Где он?

– А вон, за столиком в углу!

Заканчивающий ужин Корнелиус заметил идущего к нему шевалье и вопросительно поднял брови: в таверне имелись незанятые столики, а подсаживаться к незнакомцу без приглашения было не принято.

Незнакомец, подойдя вплотную, заносчиво процедил сквозь зубы:

– Я Шарль де Левињи, шевалье из Лиона! С кем имею честь?

– Корнелиус ди Ранейро, к вашим услугам.

– А, ещё и иностранец! Понаехали тут... Так вот, я требую, чтобы вы немедленно уступили мне комнату, которую я заранее зарезервировал письмом, а вы узурпировали!

Корнелиус надменно вскинул голову:

– Я заселился первым и никуда не уйду! Найдите себе другое пристанище, месье!

– Я пришел вторым, но буду ночевать в этой комнате!

– К сожалению, там только одна кровать, и делить с вами я её не желаю, ибо вы не в моем вкусе, месье!

– Если вы не освободите комнату немедленно, то ночевать вам придется на кладбище, месье! – лионец положил руку на эфес шпаги, – Выйдем во двор и решим наш маленький спор!

Драться Корнелиусу не хотелось, но, куда же деваться? *Nobless oblige*... Со вздохом он встал, скинул камзол на руки Самиру и вышел во двор, освещенный луной.

– Я имею честь напасть на вас, месье! – провозгласил де Левињи.

Корнелиус обнажил шпагу и встал в третью позицию. Де Левињи атаковал. Наш герой парировал. Снова атака! Три выпада подряд, один за другим. Противник дрался в традициях Парижской школы. Что ж, для этого есть эффективные контрприемы! Пригнувшись пониже, Корнелиус сделал выпад, целясь в пупок противника. Тот, конечно, парировал. Тогда Корнелиус перебросил шпагу в левую руку и нанес рубящий удар в голову. Этого лионец не ожидал! Кровь из рассеченного лба залила его глаза.

– Проклятье! Это не по правилам! – вскричал он, но Корнелиус не обратил на это внимания.

Новый выпад пронзил грудь де Левињи. Шпага вонзилась по самый эфес, дымящееся лезвие вышло из под левой лопатки аж на целых полтора фута. Всё было кончено. Заносчивый лионец рухнул на землю. Но он был жив!

Обернувшись к его слуге, Корнелиус приказал:

– Сбегай в трактир напротив, там должна быть свободная комната, и отнеси своего господина туда. Врач – за мой счет.

Со спокойной душой Корнелиус отправился спать. Ну, дуэль, ну, и что? Обычное дело! Утром, перед отъездом, он навестил поверженного противника: не надо ли чего? Тот был в сознании, но слаб.

– Доктор сказал, что ни сердце, ни лёгкие не задеты. Удачный удар, месье ди Ранейро! Но, все равно, придется мне проваляться недели три в постели.

– Г-м, я думал, что убил вас до смерти... Возблагодарим же Святую Деву, что вы живы! Оба хором помолились.

– Могу я спросить, куда вы направляетесь, месье ди Ранейро?

– В Рим.

– В таком случае, не могли бы вы передать письмо, ибо я тоже еду в Рим, а дело не терпит отлагательств? Я боюсь умереть и не выполнить свою миссию...

– О, разумеется!

Раненный кликнул слугу и тот вручил Корнелиусу пакет. Адреса на нем не было.

– Если вас не затруднит, передайте это письмо Папе Григорию лично, в собственные руки!

Де Левињи закашлялся. На губах появилась кровь.

– Я надеюсь на вашу скромность, месье ди Ранейро. Письмо секретное, не для чужих глаз, а доставить его нужно срочно.

– Слово дворянина! – пылко ответил Корнелиус, – Конечно, я доставлю ваше письмо Его Святейшеству, тем более, что я и сам выполняю его поручение!

– Мерси...

Через неделю на горизонте показался Вечный Город! Путешествие, длившееся более года, близилось к концу!

Глава третья

Первое, что сделал Корнелиус, ступив на брусчатку площади фонтана Треви (это самый центр города!), было забота о новом наряде. Ведь невозможно явиться к самому Папе в потертом, выцветшем камзоле и шляпе с полувыщипанным воробьями пером!

В ту пору магазинов готового платья не существовало и наряды приходилось шить на заказ. Швейная машинка ещё не была изобретена, поэтому шили долго: неделю, а то и две. Столько Корнелиус ждать не мог, поэтому подходящий прикид был куплен на базаре. Шикарный, расшитый серебром чёрный камзол и такая же шляпа с роскошным страусиным пером. Отдавали дешево из-за маленькой дырки от пули на груди. Ну, это пустяки! Портной наложил художественную штопку за каких-нибудь два часа. Самиру тоже был куплен костюм пажа. Понравившись себе до чрезвычайности, Корнелиус посетил цирюльника, подстригся и побрился, привел в порядок усы. Вперед! Даёшь Ватикан!

Подойдя к резиденции Папы, Корнелиус важно объявил привратнику:

– Я Корнелиус ди Ранейро! С докладом к Его Святейшеству!

Рассмотрев охранную грамоту, привратник приказал ждать и удалился. Через некоторое время вышел юркий монах и пригласил пройти в приёмную, ненавязчиво забрав шпагу. Это было хорошим знаком: будь поручение, данное Корнелиусу, маловажным, ему была бы назначена аудиенция дней, так, через несколько. А тут без задержки! Сразу!

В приемной Корнелиус ждал всего полчаса. Затем секретарь (епископ, между прочим!), негромко возгласил:

– Его Святейшество ждет вас, ди Ранейро! Говорите внятно, не орите, но и не слишком понижайте голос. Старайтесь изложить свой предмет кратко, не вдаваясь в ненужные подробности.

Сняв шляпу, Корнелиус вошел и за три шага до Папы преклонил колени и склонил голову.

– Здравствуй, сын мой! Садись, рассказывай! – раздался мягкий старческий голос.

Корнелиус осторожно поднялся и сел в кресло для посетителей. Собираясь с мыслями, искоса взглянул на Первого После Бога. Папе Григорию шел восьмидесятый год – для той эпохи возраст огромный! Более чем! Но сей пастырь сохранил и ясность ума и крепость тела. Вот и сейчас он взирал на сидевшего перед ним кабальеро умными незамутненными старостью глазами. Впечатление было такое, что смотрит он прямо в душу.

Сконцентрировавшись, Корнелиус начал свой рассказ:

– Святой отец! Я выполнил ваше задание. В Москве мне удалось выяснить, что на севере действительно существует народ, поклоняющийся так называемой Золотой Бабе. Князь Йорг платит дань московскому царю Иоанну. Будучи вызван в Тайный Приказ, я изложил князю Шуйскому свою легенду: дескать, хотелось бы присоединиться к отряду сборщиков дани на предмет картографирования местности и выяснения возможностей торговли с населением. Послан, якобы, ганзейским купечеством. Князь выдал мне подорожную, охранную грамоту, и разрешил присоединиться к отряду дьяка Григорьева, – тут он развел руками:

– Мне пришлось пойти на хитрость и фиктивно креститься в греческую веру, иначе со мной никто не стал бы разговаривать!

– Понимаю, – наклонил голову Папа, – и не осуждаю. Цель оправдывает средства. Обряд же, совершенный против воли или без веры, таинством не является. Ведь ты сохранил верность истинной Церкви, не так ли, сын мой?

– О, да! Но вынужден был несколько раз посещать их мессу и креститься справа налево.

– Этот малый грех Господь простит тебе! Но продолжай.

– Да, Святой Отец... Три месяца мы собирали дань с северных варваров, многие из которых язычники. Нужное мне племя корижей было последним в списке. В город, также называемый Корижа, мы прибыли в начале августа. Город крепкий, Ваше Святейшество, с суши обнесен высокой стеной, а со стороны озера высадить десант возможно лишь на пляже шириной в сто шагов. Дружина князя Йорга (русские называют его Юрга!) велика – двенадцать сотен воинов. Кроме города есть еще пять или шесть деревень, две из них – на морском побережье. До побережья миль восемьдесят. Там мне побывать не довелось, но я начертил карту по подробному рассказу человека, неоднократно ездившего туда. Ближайший большой город – Ревель, около пятисот миль на запад. Но эсты корижей не жалуют: те частенько пиратствуют или ходят в набеги: угоняют скот, а жителей продают в рабство. Кстати, о рабах: один неуклюжий раб-подросток рассыпал соль во время пира, и князь Йорг хотел его убить, суеверно опасаясь несчастья (ну, примета у корижей такая: соль рассыпал – жди беды!). Но жрец посоветовал князю не проливать кровь в доме...

– Почему? – удивился Папа, не пропускавший ни единого слова повествования.

– Из соображений гигиены. Дескать, кровь впитается в пол, потом вонять будет, а им тут пищу принимать. Да, и тут я предложил купить раба, а жрец меня поддержал, заявив, что кровь раба нельзя принести в жертву богине, а плату за него – можно. Князь согласился, и продал мне мальчишку по цене соли.

– Хо-хо! И во сколько же он тебе обошелся, этот язычник?

– Один рубль и пять копеек, Ваше Святейшество. Это примерно три талера... Только он не язычник, а, вообще, безбожник.

– Что ж, вполне доступная цена! – улыбнулся Папа, от души забавляясь рассказом.

– О! За свои деньги я получил даже больше, чем рассчитывал! Во первых, мальчишка владеет русским языком. Во вторых, он отличный слуга. В третьих, он указал мне лаз в подземелье под храмом!

– Да ты што-о! – изумленно всплеснул руками Папа.

– Там была нора, прорытая... прошу прощения, Ваше Святейшество... с помойки росوماхой. Росوماху жрецы убили, ибо она не смогла выбраться из подземелья, а нору заложили камнями, но не плотно. Мой раб, Самир, проводил меня туда, и мы с ним ночью проникли в склеп, где находилась статуя богини и скопившиеся за многие годы жертвоприношения... Я зарисовал статую и убедился, что она деревянная, только позолоченная, а не золотая. В качестве доказательств я прихватил несколько рубинов, странный, не металлический меч, а мой раб утащил нечитаемый пергамент в деревянном футляре. Нам повезло, мы покинули подземелье незамеченными. Правда, пришлось долго отмываться после ползания по помойке, дабы на вонь не обратили внимание стрельцы, ночевавшие со мной в лабазе...

Корнелиус вздохнул:

– В день отбытия из Корижи я договорился с сотником княжеской дружины, чтобы он выделил мне охрану до Ревеля... но дьяк Григорьев принудил меня ехать с ним в Москву, ибо князь Шуйский был заинтересован в результатах моих изысканий. Шуйский, под угрозой пыток, заставил меня признаться, что я выполнял ваше задание. Простите, Ваше Святейшество, я рассказал ему всё! Узнав, что я проник в склеп, он потерял ко мне интерес, заявив, что знает про Золотую Богиню, и что ей грош цена, раз она не золотая. Рубины разрешил взять, но меч и пергамент оставил себе. Выписал подорожную. Видимо, решил не ссориться с Вашим Святейшеством.

– Опиши меч и пергамент попощнее!

– Слушаюсь... Меч – вот его рисунок – выглядел странно: довольно грубая отливка, но при том замечательно острый. И не из металла, скорее – каменный. Никогда не видел такого материала! А пергамент... очень старый, и письма совершенно невразумительные. Тоже,

никогда не видел таких. Вот, извольте: здесь рисунки, карты, рубины и подробный отчет! – Корнелиус протянул папку, проворно принятую давешним монахом-проводником.

«Видимо, порученец!» – подумал Корнелиус, переводя дух, ибо говорил он более часу.

– Ты молодец, сын мой! – похвалил его Папа, задумчиво вертя в пальцах рубин величиной с вишню, – Выполнил задание с блеском и вернулся живым, чтобы доложить! Интересно, где эти дикари нашли такие шикарные рубины?

– Увы! Сие мне неведомо!

– Возьми их себе, пригодятся... А как ты добирался из Москвы в Рим?

– Я нанялся в охрану купеческого каравана, идущего в Париж через Варшаву...

Ещё несколько минут Корнелиус рассказывал о своих приключениях. Не утаил он и грех прелюбодеяния, в который впадал неоднократно.

– Да, плоть слаба... – пробормотал Папа Григорий с сожалением, – Но, ты, ведь, раскаиваешься, сын мой?

– Да, Ваше Святейшество, раскаиваюсь, и теперь, пока не женюсь, буду вести безгрешную жизнь!

– Целибат – серьёзный обет, сын мой, он по силам немногим. Даже не все монахи могут выдержать жизнь без женщины! А нарушение обета, данного Господу, есть ещё больший грех, чем грех прелюбодеяния! – нравоучительно поднял палец Папа.

– Ну... это не совсем целибат... Я, как бы, нашел замену...

– Мужеложство – тоже тяжкий грех, сын мой! Вспомни Содом и Гоморру!

– Нет, Ваше Святейшество, я... я купил на базаре в Париже... каучуковую куклу... Продавец показал мне копию экспертного заключения Святой Инквизиции, там было написано, что в кукле греха нет!

– Каучуковую куклу?! – в восторге воскликнул Папа, – И ты с ней... делаешь это-самое?

– Ну, да! Ведь, греха-то нет!

– Никогда даже не слыхал ни о чем подобном! Очень хотелось бы посмотреть на неё!

– Извольте, Ваше Святейшество! – Корнелиус гордо вынул из кармана камзола Камиллу и быстро надул.

Монах-порученец едва не завязался в узел от зависти! Папа Григорий внимательно осмотрел каучуковое чудо со всех сторон и потрепал по попке.

– Верно, греха в ней нет. Но благословить не могу, ибо на рукоблудие смахивает... Спасибо, сын мой! Твой рассказ был необычайно интересен, – он кивнул порученцу и тот протянул Корнелиусу листок бумаги, – Отнеси это отцу-казначею, тебе выдадут награду. Если ты нам понадобись, тебя вызовут.

Поблагодарив главного христианского начальника, Корнелиус, кланяясь, попятился было к двери, но вдруг остановился и хлопнул себя по лбу.

– Прошу прощения, Ваше Святейшество! Чуть не забыл! Вам просили передать письмо!

– Кто?

– Некий шевалье де Левины. Я встретился с ним в трактире, в Бургундии...

Корнелиус передал письмо порученцу. Тот сломал печать, предварительно внимательно осмотрев, и передал хозяину. Папа Григорий прочитал письмо и лицо его посуровело.

– Почему это вдруг де Левины обратился к тебе?

– Э-э... я сказал ему, что еду в Рим, а он был прикован к постели... Корнелиусу очень не хотелось вдаваться в подробности.

– Он болен?!

– Ранен, Ваше Святейшество... дуэль...

Папа проницательно заглянул в глаза съёжившемуся кабальеро:

– Дуэль была с тобой?

– Да... – прошептал Корнелиус, ожидая вспышки гнева и незамедлительной казни, – Но я не виноват... это он меня вызвал на поединок.

– Ну, коли так... Брат Теодор! Удвой вознаграждение синьору ди Ранейро!

– Слушаюсь, Ваше Святейшество! – монах быстро накарябал ещё одну записку.

– Из гостиницы никуда не отлучайся. Возможно, ты понадобишься в самое ближайшее время, – Папа поднял руку и благословил Корнелиуса.

Не чуя под собой ног от счастья, тот выскочил из дворца. Двойное вознаграждение! Папская служба! И рубины не забрали!

– Эй, солдат! Где тут поблизости винная лавка?

Римским Папой нельзя сделаться благодаря одному благочестию. Благородного происхождения и благоволения земных владык также недостаточно, не говоря уже о богатстве. Главное – это харизма, государственный ум, умение руководить и интриговать!

Папа Григорий был Руководителем с большой буквы. И умище у него был всеохватный, способный просчитывать варианты на много ходов вперед в самых разнообразных направлениях. Особенно в политике и проблеме христианизации всего мира. Ну, и в экономике, а как же!

Влияние Католической Церкви на правителей тогдашней Европы было огромным, а авторитет Папы – непререкаемым. Но сие влияние требовалось поддерживать и разукрупнять. Для этого имелись всякие методы, включающие в себя лесть, подкуп, шантаж... и много чего ещё.

Григорий XIII сидел в одиночестве у камина, устремив взгляд на танцующие языки пламени. Так легче думалось, поэтому он приказывал топить камин каждый день, даже летом. Мысли Святого Отца были заняты назреванием новой войны Османской Империи с Венецией. Дож отчаянно трусил и искал любых союзников, способных поддержать его материально. Шаги по организации Венеции военной помощи были уже предприняты, но наемное войско стоит дорого, а денег не хватало. К тому же, исход войны был гадательным: турки вполне могли захватить Венецию и тогда... Ещё одна потеря для христианского мира! Да и ни к чему турки под боком! Глядишь, ещё и Рим завоевать захотят! И куда тогда деваться?

«Как бы этой войны избежать вообще?» – размышлял Григорий, – «Как повлиять на султана Махмуда?»

После многочасового раздумья решение пришло! Великий Визирь Селим Карнарджи имел доступ к уху султана, и тот внимал его речам благосклонно. Надо действовать через него, Селима. Известно было, что Селим коллекционирует редкости, и в его сокровищнице скопилось много диковинных и драгоценных вещей, в том числе идола Ацтеков и Майя, спасенные агентами Святого Престола в Мадриде от переплавки. За это Великий Визирь уже неоднократно оказывал христианскому владыке тайные услуги. Что, если предложить ему Золотую Богиню? Дурак князь Шуйский посчитал, что статуя ничего не стоит, раз она только позолоченная, а на самом деле ценитель и коллекционер заплатит любые деньги за такой раритет! И не только деньги. Он сможет отговорить своего государя от похода на Венецию, найти нужные аргументы. Таким образом, раздобыв статую, можно убить двух птиц одним камнем: отвлечь, или, по крайней мере, отсрочить войну, а также пополнить казну Ватикана!

«Но, как? Как выкрасть статую? Войсковая операция исключена, мигом перепрячут и статую и сокровища... Надо действовать тоньше... Совсем тонко... Думай, думай! Решение всегда есть, только надо его нащупать... И, ведь, мелькнуло что-то! Дева... Статуя... как живая...»

Почему-то вспомнилась каучуковая кукла Корнелиуса.

«Тоже выглядит, как живая!» – улыбнулся Папа и замер, – «Стоп! Куклу используют, как живую женщину! А если наоборот? Живую женщину использовать как куклу... нет, как статую? Подменить, значит, статую на живую деву... Она выйдет из склепа и объявит, что

ожила! Нет, бред... Но, может получиться, может! Дикари могут поверить в ожившую богиню, надо только подобрать девку, чтоб была похожа!»

Взяв со стола рисунок Корнелиуса, долго рассматривал лицо статуи. Не может быть, чтобы не нашлось похожей девки!

Корнелиус праздновал уже третий день. Итальянские вина ему не нравились, поэтому он пил граппу. Граппа – это такая виноградная водка. Вкусная! Пьется легко, опьянение от неё веселое, тянет на подвиги и хочется петь. Наутро никакого похмелья! Только слегка двоится в глазах и руки сильно трясутся. Недолго, до опохмеления, которое лучше осуществлять той же граппой. (Проверено Автором на добровольцах в лабораторных условиях!)

Но мы отвлеклись! Итак, Корнелиус пьянствовал, гулял по Риму, задираясь с дворянами – две дуэли, не приведшие к серьёзным травмам, а ночью проводил упоительные часы в постели с Камиллой. На четвертое утро в гостиницу пришел папский порученец, брат Теодор.

– Его Святейшество Папа Григорий желает вас видеть немедленно, синьор ди Ранейро! – провозгласил он и осекся.

Корнелиус был занят сливанием в тазик остывшей воды из Камиллы. Он обернулся к монаху:

– Дай мне хотя бы час, монах! Я должен привести себя в порядок, принять ванну, выпить чашечку кофею...

– Я подожду в трагтории напротив, – буркнул брат Теодор сквозь сведенные судорогой зависти зубы и вышел.

«Я обязательно достану себе такую же каучуковую Камиллу! Надо только дожидаться, когда шеф пошлет кого-нибудь в Париж! Заплачу, сколько бы ни стоило!» – мечтал монах, измученный целибатом. В свои двадцать пять лет он никогда ещё не... ну вы понимаете!

Через час освеженный бритьем, похмелившийся и выпивший для бодрости кофею Корнелиус вышел на улицу. Выскочив из трагтории, где он скоротал время за стаканчиком слабенького красного винца, брат Теодор присоединился к нему. Некоторое время они шли молча. Затем монах, не выдержав, спросил:

– Если не секрет, синьор ди Ранейро, сколько стоила ваша каучуковая кукла?

– Я отдал за неё сто шестьдесят дукатов! И, поверь, монах, она стоит таких денег! – надул щеки Корнелиус.

Брат Теодор пожух. Слишком дорого! Все его накопления составляли триста дукатов. Но, ничего! Деньги – это только деньги! А Камилла сулит множество ночей (безгрешных, что важно!) неземного блаженства! Он все равно купит её, даже если придется потратить всё до последнего сольди!

Папа Григорий принял Корнелиуса по деловому и сразу перешел к сути:

– Сын мой, у меня есть план, как просветить дикарей-корижей и направить их на путь истинной веры. Но мне понадобится твоя помощь.

– Я сделаю все, что прикажет Ваше Святейшество! – поклонился польщенный кабальеро.

– Как ты думаешь, если бы золотая богиня ожила и объявила своему народу, что она является вестником Господа нашего Иисуса Христа, они бы поверили?

Корнелиус едва не подавился собственным языком: однако! Вот это интрига!

– Э-э... Я думаю, да! Но...

– Вот, и я так думаю. Поверят! Ожившая статуя богини! Она совершит несколько простеньких чудес, ну, там, превратит воду в вино, нерукотворным образом зажжет факел-другой... Затем, освоившись немного, объяснит основные догматы христианской веры князю и жрецам, склонит их к святому крещению, а случайно оказавшийся в Кориже падре осуществит обряд! Ну, а ты тем временем, привезешь уже ненужную им статую мне.

– Но, Ваше Святейшество, кто бы ни была дама, готовая совершить сей подвиг во имя Церкви, она, как минимум, должна говорить на местном языке!

– Научим! Твой раб, этот... как его... Самир? Пусть он научит её языку. А мои люди научат её чудесам и всему остальному. Кстати, крестил ли ты уже мальчишку?

– Нет, Ваше Святейшество... не успел...

– Это упущение! Я распоряжусь, чтобы это сделали незамедлительно, ибо он, будучи безбожником, не может служить Церкви.

Папа Григорий потер сухонькие ладошки и принялся загибать пальцы:

– Итак, первое: мы должны найти девицу, максимально похожую на статую золотой богини. Второе: научим её языку и прочим необходимым вещам, проведем инструктаж. Третье: ты отправишься в Корижу под видом купца. Морем, так быстрее и безопаснее. Четвертое: ты проникнешь в склеп и забереешь статую, оставив на постаменте её живую копию. Пятое: возвращаешься в Рим! Как видишь, всё просто! – он поднял руку с сжатой в кулачок пятернёй.

– Предвижу значительные трудности, Ваше Святейшество. Например, как скрыть живую девицу до подмены? Отсутствие её во время отступления может насторожить корижей и дать им пищу для подозрений!

– До поры она будет содержаться в специальном ящике с дырками! Потом в этот же ящик ты положишь статую.

– Г-м... Несколько дней в ящике, хотя бы и с дырками? Тяжелое дело!

– Перед укладкой в ящик ты дашь ей сонное зелье. Человек, в зависимости от дозы, после него спит до пяти дней. Этого времени тебе будет достаточно, чтобы расторговаться и приготовиться к возвращению, не вызвав подозрений!

– Ну, тогда, конечно! – пробормотал Корнелиус, восхищаясь изобретательностью Папы.

– Операцию «Рокировка» начинаем завтра! – подытожил Святой Отец, – А сегодня ты окрестишь своего раба!

– Я понял, Ваше Святейшество!

– Вопросы есть?

– Да... что такое «рокировка»?

– Ты что, не играешь в шахматы?

– Н-нет...

– Рокировка – это перемещение на доске ладьи и короля одним ходом. Понял, сын мой? Корнелиус кивнул. Всё-то Папа знает! Даже шахматы, игру мудрецов и стратегов!

– Иди! Завтра придешь в полдень. Трезвым! Твои глаза должны быть острее бритвы, ибо перед ними пройдет множество девиц, из которых ты выберешь самую правильную.

11-го Децембрия, во вторник, без пяти минут полдень, Корнелиус с принаряженным Самиром, в святом крещении Антонием, вошли во дворец. Секретарь проводил их в зал для приемов, где Папа Григорий уже сидел на троне. Корнелиус слегка удивился, что предполагаемые смотрины будут проходить здесь, а не в рабочем кабинете, но потом понял: необходимо создать впечатление, чтобы девицы прониклись важностью происходящего!

– Это и есть твой раб? Ничего, миловидный отрок! Как его христианское имя? – поинтересовался Святой Отец.

– Антоний, Ваше Святейшество!

– Говорит ли он на каком-нибудь европейском языке?

– Нет, Ваше Святейшество! Только по русски, на языке корижей и на своем родном, половецком.

– Жаль... Я хотел с ним поговорить. Ладно, садитесь, и начнем, пожалуй, благословясь.

Корнелий и Самир уселись в кресла ошую трона. Брат Теодор остался стоять за правым плечом шефа. Папа хлопнул в ладоши, двери открылись, и в зал вошла молодая монахиня. Шурша подолом, она прошла по паркету и выжидательно остановилась в пяти шагах от трона.

– Ну? – Папа нетерпеливо скосил глаза на Корнелиуса.

– Не, не похожа. Лицо не похоже. А фигура... разве рассмотришь под ихними тряпками!

– Я понял тебя, сын мой!

Папа обернулся к брату Теодору:

– Распорядись, чтоб входили обнаженными!

И началось! Одна за другой в зал входили голенькие девицы. Красивые и не очень, худые и полненькие, высокие и низенькие. Они подходили к отметке на паркете, замирали, подходили под благословение, потом поворачивались кругом через левое плечо и покидали зал. Некоторые стеснялись и пытались прикрываться ладошками, но таких было меньшинство. Корнелиус внимательно разглядывал каждую, но похожей на статую в далекой Кориже не попадалось. Сей парад красоток продолжался до сумерек. Наконец, в зал вошла пожилая (одетая!) монахиня-аббатисса и объявила, что девицы кончились.

– Это были монахини и послушницы из ближних монастырей, – пояснил папа Григорий, потягиваясь, – Завтра прибудет новая партия. Я послал гонцов во все монастыри в радиусе пятидесяти миль. Будем работать, пока не найдем искомое!

Дойдя до гостиницы Корнелиус, мучимый весь день плотским вожделением, пренебрег ужином и едва дождался, пока слуга принесет горячую воду для Камиллы.

На следующий день все повторилось с той лишь разницей, что кастинг начали с десяти часов утра. Корнелиус уже по привычке и смотрел на девиц довольно равнодушно. И опять – ничего!

Третий, четвертый и пятый день также не дали результатов. Корнелиус подумал, что, возможно, это и к лучшему, если все сорвется, ибо авантюра, найдись подходящая девушка, предстояла очень рискованная.

– Завтра воскресенье, сделаем перерыв! – объявил Главный Христианин не без сожаления, – А в понедельник продолжим с новыми силами!

В понедельник начали вообще в семь утра. К обеду от мелькания обнаженных девичьих прелестей у Корнелиуса уже рябило в глазах. Затекла шея, сильно хотелось в сортир. Внезапно Самир-Антоний толкнул его в бок:

– Вот эта, господин!

Корнелиус встряхнулся и присмотрелся: высокая стройная девица была и в самом деле очень похожа на статую богини! Ну-ка, ну-ка: лицо – да! Шея – да! Грудь, талия, длинные ноги – да! Руки: пальцы длинные, красивые, ухоженные ногти! Но, волосы...

– Ваше Святейшество! Очень похожа! Только она шатенка...

Папа сравнил с рисунком стоящую перед ним в первой позиции деву и кивнул:

– Это поправимо. Сейчас есть мастера-цирюльники, способные придать волосам любой цвет.

Улыбнулся девушке:

– Иди, оденься, дочь моя, и возвращайся. Будем знакомиться!

Глава четвертая

Марианна Коринелли была дочерью синьоры Клементины Коринелли. Мать служила горничной в замке маркиза де Ганьи де Варду и замуж никогда не выходила. Когда у неё неожиданно для всех родилась девочка, маркиз, человек добрый и бездетный, дал Клементине денег – много, целых сто дукатов! – и продолжал поддерживать материально до самой своей смерти в 1575-м году. Соседки шушукались, что маркиз и был отцом Марианны. Клементина же никогда с дочерью на эту тему не говорила.

Три года назад мать тяжело заболела: стала пить много воды, худеть на глазах. В дыхании появился странный яблочный запах. Когда бедняжке стало совсем худо, Марианна позвала лекаря. Тот потрогал сухую кожу, понюхал дыхание, попробовал на язык мочу. Горестно покачал головой и, отведя в сторону шестнадцатилетнюю Марианну, шепнул:

– Крепись, девочка! У твоей матушки сахарная болезнь. От этого недуга нет лекарства. Твоя мама продержится не больше полугода, и то, если не будет есть ничего сладкого...

Так и случилось. Клементина умерла через четыре месяца после этого. Перед смертью она перекрестила дочь и тихо сказала:

– Когда я умру, иди в монастырь Сан-Лазарро, доченька! Я знаю, аббатисса Жанна хорошая женщина, она позаботится о тебе... ибо она... сестра твоего покойного отца. А теперь дай мне кусок сахара!

– Мама, но тебе же нельзя сладкое! – заплакала Марианна.

– Ах, уже все равно...

Похоронив мать, Марианна задумалась. Идти в монастырь ей не очень хотелось. Девушка была бойкая, ловкая, склонная к танцам и музыке (самоучкой научилась играть на виоле и гитаре!). Работая кухаркой у соседа, учителя фехтования, легко научилась владеть шпагой и частенько побеждала многих его учеников. На спор с мальчишками однажды прошла пять сажень по натянутому канату. Ей бы в цирк... или в армию! Но в армию девушек не брали, а цирк приезжал в их городок лишь раз в год, на праздник Святого Януария. Пришлось идти в монастырь. Аббатисса Жанна приняла племянницу приветливо.

– Если решишься на постриг, то так тому и быть. Но я тебя уговаривать не стану, ты должна сама принять это важное решение. А пока просто поживи при мне.

И Марианна осталась, сделавшись не то секретаршей, не то воспитанницей доброй женщины. Конечно, она одевалась по уставу и посещала все богослужения, а как же! В свободное время читала книги из монастырской библиотеки, занималась рисованием и перепиской (почерк у девушки был отличный!). Жизнь текла спокойно, сыто и безмятежно. Но, вот, не хватало чего-то! То снилось, как она стоит на палубе каравеллы, а перед ней возникает тропический остров, то грезилась стены крепости, объятые дымом, а она со шпагой в руке ведет своих солдат на приступ. Дух авантюризма, так это называется!

12-го Децембрия 1580 года аббатисса построила всех насельниц монастыря во дворе в две шеренги и объявила, что, согласно воле Святого Отца, Папы Григория, все девицы в возрасте до двадцати лет завтра поедут в Рим, где будут приняты лично Его Святейшеством! Всем были обещаны подарки и благословение.

Приказ начальника – закон для подчиненных! Тем более, что многие в Риме никогда не бывали и, тем более, не лицезрели Папу. Все семнадцать девиц, не достигшие двадцати лет, радостно принялись собираться в дорогу, на зависть всем остальным. Марианна была в числе избранных, ибо месяц назад ей исполнилось девятнадцать.

Не в силах противостоять искушению и любопытству, аббатисса решила сопровождать их сама.

До Рима было два дня езды. В воскресенье утром все посетили мессу в Сикстинской Капелле. Фрески Страшного Суда великого Микеланджело потрясли Марианну до глубины души. Всю мессу она не могла оторвать от них восхищенного взгляда! Послушницы за спиной перешептывались и конфузливо хихикали, ибо все фигуры были обнажены. Аббатисса шикала на них, но и сама конфузилась.

В понедельник утром все отправились в Папский Дворец. Несмотря на раннее время, там уже была очередь девушек в двести, если не больше. Разместив своих подопечных, аббатисса Жанна пошла доложить о прибытии секретарю. Тот сверился со списком:

– А, монастырь Сан-Лазарро! Сколько дев вы привезли, мать Жанна?

– Семнадцать, Ваше Преосвященство.

– Передайте им, что перед высочайшей аудиенцией они должны раздеться. Совсем!

– П-простите?

– Догола, мать Жанна! Такова воля Его Святейшества.

– Но... но... почему?

– Я не знаю! – слегка раздраженно ответил секретарь-епископ, – Рискните задать сей вопрос Святому Отцу! Но ходит слух, что он выбирает модель для новой росписи в своей домашней церкви.

Потеряв дар речи, почтенная аббатисса вернулась к своим подопечным. Ей пришлось выпить воды с лимоном, чтобы восстановить голос. Новость произвела жуткий переполох! Раздеться совсем, даже и рубашку снять! Немыслимо! Ладно бы, только Папе в таком виде показаться, но там ещё три мужчины, причем, двое из них не духовного звания! Две девицы залились слезами и раздеваться отказались наотрез. Марианна же восприняла шокирующую новость спокойно, ибо излишней стыдливостью не страдала. Раз Святому Отцу нужна модель, то она готова показать всё, чем её наделил Создатель! А со Святым Отцом, наверное, художник и подмастерье... Интересно, кого с неё будут писать? Кающуюся грешницу? Марианна состроила гримаску, пытаясь изобразить на лице какой-нибудь грех. Но зеркала не было, поэтому она не была уверена, что это ей удалось.

И вот, очередь дошла и до девушек из Сан-Лазарро!

– Паола, пошла! Приготовиться Елене! – деловито скомандовала мать Жанна.

Паола, сдобненькая блондиночка, сбросила платье и, покрывшись гусиной кожей, пошла в зал. Вскоре она вышла обратно.

– Елена, пошла! Приготовиться Олимпии!

Елена, покраснев до самых ягодиц, пошла, пытаясь прикрыть ладошкой лобок.

Все обступили одевающуюся Паолу:

– Ну? Что там было?

– Что, что! Вошла, постояла, получила благословение, развернулась и вышла!

Значит, её не выбрали!

– Олимпия, пошла! Приготовиться Марианне!

Аккуратно повесив платье на спинку скамьи, Марианна подошла к двери.

– Марианна, пошла...

И она переступила порог, не подозревая, что входит не просто в залу, но в новую жизнь.

Четыре пары глаз уставились на неё. Его Святейшество смотрел заинтересованно, сидящий рядом молодой усатый синьор (художник?) смотрел оценивающе, худенький скуластый подросток восхищенно, а монах за плечом Папы – равнодушно.

Папа о чем-то переговорил с усатым синьором, затем улыбнулся девушке:

– Иди, оденься, дочь моя, и возвращайся. Будем знакомиться! И передай, что прием окончен! Пусть все войдут с тобой для благословения.

– Раздетые?

– Одетые!

Когда девушки, сопровождаемые взволнованной аббатиссой, вошли в зал, Папа широко перекрестил их:

– Благословенье Господне да будет с вами, сестры! Все свободны, всем спасибо! А тебя, дочь моя, – он показал на Марианну, – я попрошу остаться.

«В девочке чувствуется порода... и сильный характер!» – думал Папа Григорий, – «Глаза смышленные...»

Вслух же ласково спросил:

– Как твоё имя, дочь моя?

– Марианна Коринелли, Ваше Святейшество.

– Откуда ты родом? Кто твои родители? Расскажи о себе!

– Я из Рима. Мама умерла три года назад. Она служила горничной в замке маркиза де Ганьи де Варду. Это всего шесть миль от Рима. Отца я не знаю. Сейчас я послушница в монастыре Сан-Лазарро, помогаю матери Жанне с перепиской.

«Понятно! Внебрачное дитя... Сирота... Что ж, тем лучше!»

– Хорошо ли ты знаешь Священное Писание?

– Надеюсь, да! Я прочла Библию трижды, и многие места знаю наизусть.

– Умеешь ли ты ездить верхом?

Марианна покраснела:

– Да... по мужски... и без седла.

Все улыбнулись: обычное дело для девушки, выросшей в деревне! Считается, впрочем, не совсем приличным!

– Какими языками владеешь, кроме итальянского? – продолжал расспрашивать Папа, которому Марианна нравилась все больше.

– Я знаю французский и латынь... и немного цыганский. В соседнем доме жила цыганская семья.

– Знаешь ли ты арифметику?

– Да, Ваше Святейшество, все четыре правила и дроби. И таблицу умножения – наизусть!

На несколько минут в зале воцарилось молчание. Тишина была такая, что было слышно, как на потолке паук, чавкая, поедает муху! Затем Папа торжественно изрек:

– Мы хотим поручить тебе задание особой важности. Не просто задание, а настоящий подвиг во имя торжества Святой Церкви! Думаем, что ты нам подходишь. Ты пройдешь все-стороннюю подготовку. Жить будешь здесь, во дворце. К сожалению, тебе не будет разрешено общаться ни с кем, кроме ограниченного круга людей. Гулять ты сможешь только в парке, а в город выходить – нет. Суть задания тебе разъяснят позже. А сейчас скажи: согласна ли ты отдать жизнь во имя Святой Церкви, ибо задание связано со смертельным риском? Кстати, вполне возможно, что, буде ты умрешь в процессе выполнения своей миссии, тебя канонизируют, как новую мученицу!

Ошарашенная такой перспективой Марианна растерялась. Задание... Смертельный риск... Канонизация... Что же ей такое предстоит сделать? Может, отказаться, пока не поздно? Перед глазами проплыла её монастырская жизнь: сытая, скучная, пресная... Нет! Она не вернется туда!

– Я согласна, Ваше Святейшество! Согласна на всё! – выпалила девушка, гордо вздернув подбородок.

Папа Григорий одобрительно улыбнулся: он не ошибся, эта девица – то, что нужно!

Хлопнул дважды в ладоши. В зал вошла симпатичная монахиня средних лет.

– Это сестра Эсмеральда. Он будет за тобой приглядывать, дочь моя! А теперь – до завтра!

Поцеловав пастырю руку, Марианна вышла, сопровождаемая по пятам новой дуэньей.

Приказав Корнелиусу с Самиром возвращаться в гостиницу и ждать дальнейших распоряжений, Папа, сопровождаемый братом Теодором, прошел в свой кабинет, где уже был разожжен камин. Он уселся в кресло и протянул к огню старческие руки с набухшими венами. Брат Теодор молчаливо замер у двери, сообразив, что шеф будет медитировать.

Причудливо сплетаясь, языки пламени то взмывали вверх, то опадали, то медленно ползли по поленьям, то выстреливали искрами. Стихия огня вечно меняется, никогда не повторяется, гармонизируя сознание своей хаотической пляской.

После нескольких минут молчания Папа сделал порученцу знак подойти ближе.

– Ты поедешь в Кале и купишь там на своё имя корабль. Достаточно вместительный, быстроходный и хорошо вооруженный, чтобы противостоять пиратам. Лучше всего – бриг голландской или английской постройки. Дело это не простое, займет не менее трёх месяцев... Поэтому сначала ты поедешь в Геную и там возьмешь с собой опытного капитана и судового плотника, дабы они могли профессионально оценить судно и его мореходные качества. Отец Константин, настоятель собора Сан-Кристовала в Генуе, поможет тебе найти подходящих людей. Не экономь, корабль должен быть самый лучший! Расплатишься векселями компании «О'Кэйн и сын». После совершения сделки наберете надежную команду из добрых католиков, приведете корабль в порядок и возьмете какой-нибудь фрахт, дабы не сидеть без дела. Но, только ближние рейсы! Вы должны быть под рукой в любое время. Связь через настоятеля монастыря Сан-Андреас, отца Филиппа. Командировочные получишь завтра у отца-казначея. Отправишься в Геную тоже завтра. Вопросы есть?

– Нет, Ваше Святейшество! – поклонился брат Теодор, прикрывая глаза, чтобы не выдать вспыхнувший в них восторг.

Он поедет в Кале! Через Париж! Он осуществит свою мечту, купит надувную Камиллу!

– Свободен! – отрывисто бросил Папа и снова отвернулся к огню.

Дорога на Геную была тряская, давно не подсыпали щебенку в колеи. Безрессорная колымага, бодро влекомая парой добрых лошадок, переворачивала в брате Теодоре все внутренности. Ах, почему он не умеет ездить верхом! Отпив вина из больно стукнувшей по зубам фляги, брат Теодор посмотрел на солнце. Время близилось к обеду! Охранник, здоровенный ломбардец Джино, грустно вздохнул и забурчал животом.

«Тоже жрать хочет!» – раздраженно подумал брат Теодор и крикнул кучеру:

– Эй! Останови у ближайшей таверны!

Тот знаком показал, что понял и изобразил кнутом свистящую восьмерку над ушами лошадей.

Дальнее путешествие началось!

В Генуе пришлось задержаться. Отец Константин пересерстил весь приход (собор Сан-Кристовала был ближайшим к порту!), но за пять дней ни подходящего капитана, ни искусного корабельного плотника не нашел. На раздраженные вопросы папского порученца: что-то больно долго, когда, мол, будет, он терпеливо отвечал:

– Видите ли, брат Теодор, если я правильно понял, и капитан, и плотник должны обладать умением хранить тайну. А это в Генуе большая редкость!

Прошло ещё два дня. Брат Теодор уже кипел чайником. Или – кофейником. Дрянная гостиница, кишевшая иноземными торговцами, громко вопившими на непонятных наречиях, назойливыми портовыми (дешевыми!) путанами и звероподобными клопами, раздра-

жала печень скверным красным вином из Ливорно. Погулять, не рискуя лишиться кошелька, а пуще того – чести, было без охранника невозможно. Джино же гулять не хотел, и каждый раз соглашался неохотно. Он предпочитал сидеть в таверне и жрать все подряд. Ну, ещё пить. Поэтому приходилось целыми днями молиться, читать Библию или валяться на кровати.

Под вечер хозяин гостиницы, грек Христо, постучал в дверь.

– Синьор монах! Тут вас два синьора-моряка спрашивают!

Наконец-то!

– Пусть войдут! – крикнул брат Теодор, вскакивая с кровати и одергивая рясу.

В комнату вошли двое. Толстый и тонкий.

– Нас прислал отец Константин, – прогудел кряжистый дядька, – Сказал, есть работа.

Мы самые лучшие.

– Что ж, давайте знакомиться! Я – брат Теодор!

– Я Джузеппе Паганини, шкипер, – капитан ударил себя в грудь и по комнате разнесся гул.

– Я Альфредо Страдивари, плотник, – поклонился высокий и худой.

Брат Теодор перевел взгляд на его руки. Они были мозолистые, с изуродованными пальцами.

– А ты и в самом деле самый лучший плотник? – лукаво прищурился монах.

Вместо ответа синьор Страдивари пальцами оторвал рейку от косяка, выхватил топорик и, не примериваясь, отсек кусок.

– Вот, монах, убедись: ровно фут! – для подтверждения он протянул брату Теодору рулетку.

Тот измерил обрубок: действительно, ровно фут!

– Э-э... Здесь не совсем удобно говорить... Не пойти ли нам в таверну, заодно и поужинать?

Страдивари двумя ударами приколотил рейку на место и все пошли в таверну.

– Какое вино вы предпочитаете в это время суток? – осведомился брат Теодор.

Моряки переглянулись:

– Мы вина не пьем! – веско сообщил шкипер Паганини, – Кому нужна эта кислятина?

Мы пьем ром!

Плотник закурил трубку и подтверждающе кивнул:

– Ага... Человек, бутылку рому! Ямайского!

Ром был принесен и все трое выпили за знакомство: моряки с удовольствием, монах – с содроганием.

– Итак, синьоры, нам предстоит ехать в Кале. Там вы со всем тщанием выберете корабль – лучше всего бриг английской или голландской постройки, приведете его в порядок, наймете команду из добрых католиков и приступите к работе: возьмем фрахт и... и так далее. Приходилось ли вам, синьор капитан, плавать по Балтийскому Морю? По Белому и Северному морям?

– Ну, неужели! – Паганини пренебрежительно скривился и выпил ещё рому, – И Белое, и Желтое, и Красное, и Черное! Я их отутюжил, как белошвейка панталончики графской дочери!

– Понятно... Жалованье вам буду платить я. С сегодняшнего дня. Отправляемся в путь завтра!

– Прошу прощения, синьор монах... то-есть, тьфу! Брат Теодор! Сколько же вы будете платить?

Брат Теодор назвал цифру. Жалованье было вдвое больше обычного капитанского.

– Годится! – просветлели лицами моряки, – Аванс дадите, хозяин?

– Дам, но позже. Завтра рано вставать. Да, самое главное: никому не говорите, что вы едете со мной в Кале. Это – секретная тайна!

– Да за такие деньги мы свои языки узлом завяжем! – горячо заверили моряки, – А пока, может, возьмете ещё бутылочку рому? Ну, чтоб нам легче молчалось?

Поколебавшись, брат Теодор махнул кабатчику, чтобы принес ещё кварту этого восхитительного напитка, рожденного под тропическим солнцем Карибского Моря из сахарного тростника.

Справка: темный ямайский ром пьётся тяжело, к нему нужно привыкнуть. Привыкание занимает обычно несколько дней. Зато, когда привыкнешь, Читатель, то не захочешь ничего другого! Ром дает силу и бодрость телу, заостряет ясность ума, предохраняет от тропической лихорадки и морской болезни. Правда, похмелье от него злое, но только если выпить лишку. Снимается смесью того же рома и морской воды. Проверено Автором на добровольцах в лабораторных условиях!

По дороге в Париж выяснилось, что синьоры Паганини и Страдивари ребята компанейские. Ехать с ними было не скучно. Далеко не! Получив аванс, они закупились ромом и всю дорогу угощали брата Теодора, покуда тот не привык. От рома было весело, легче переносилась тряска, а также тянуло на разговор. Капитан и плотник часами слушали, раскрыв рты, как брат Теодор пересказывает Священное писание, ибо Библию, не говоря уже о других книгах, они не читали. В свой черед моряки рассказывали монаху леденящие кровь истории о штормах, Летучем Голландце, драках в тавернах и зловонных пиратах. Доскональное знание последнего предмета даже наталкивало на подозрения: а они сами, часом, не ...? Но, вспомнив, что за них поручился отец Константин, брат Теодор сии подозрения отмёл.

Ещё моряки рассказывали о бабах. Это была поистине неисчерпаемая тема, и кругозор не имеющего ни синь-пороху подобного опыта брата Теодора (он с детства воспитывался в монастыре!) стремительно расширялся.

Через неделю, под вечер пятницы, на горизонте появился Париж! Приуставшие лошадки шли шагом, а брату Теодору хотелось выхватить у кучера кнут, огреть их по крупам и лететь галопом к своей мечте. Сдержался, конечно.

Переночевав на постоялом дворе у рынка (того самого, упомянутого синьором ди Ранейро!), папский порученец, даже не позавтракав, ринулся на поиски безгрешных изделий из каучука. Обойдя весь рынок за два часа, он так и не нашел нужную ему лавку! Пространно выругавшись перенятыми у друзей-моряков словами и выражениями, решил опросить свидетелей. Начать решил с лавки, торгующей игрушками – все-таки нечто, близкое к интересующему его предмету. Не у торговли же луком спрашивать!

В лавке сидела дородная краснощекая тетка в цветастом платке. Увидев приближающегося монаха, она радостно завопила:

– А вот куклы! Лучшие куклы для кукольного театра! И Жак-простак, и Солдат, и Пьеро, и Мальвина! Берите, Ваше Преосвященство! Не пожалеете!

Преувеличила, конечно, хотя и видела, что брат Теодор отнюдь не кардинал.

По французски брат Теодор говорил не вполне бегло и речь понимал не всегда хорошо, хотя писать мог без ошибок.

– Я... это... ищу такие, специальные игрушки...

– Поняла! – энергично закивала торговка, – Вот то, что вам нужно! Вы, ведь, для монастырского сиротского приюта покупаете? – и протянула Солдата и Жандарма.

Солдат был с палкой. Жандарм – с усами и саблей.

Растерянно взяв кукол, брат Теодор собрался с силами и преодолел застенчивость:

– Игрушки... каучуковые... для мужчин!

– А, так бы сразу и сказали! Вам, стало быть, нужен папаша Луи? Он здесь один таким товаром торговал.

– Да...

– Ой, с ним такая история вышла! Вот, послушайте: приходит, значит, однажды Толстый Роже (ну, тот, который мясник, а не тот, который кабатчик), домой после недельной отлучки. Ездил он гурт принимать в Сен-Жермен де Сен-Клу. Там бычки дешевле, не то, что в Вуазене, или, скажем, в Пуатье. Вот он и поехал в Сен-Жермен де Сен-Клу, да оно и ближе, туда-то! Думал, за три дня управится, а получилось – неделю. Там у него драка ещё приключилась: в таверне отлупили за то, что он в карты жульничать пытался. Не в первый раз, между прочим, отлупили, сударь! Говорил ведь ему Кривой Жак, главный наш на рынке картежник: не можешь гадить – не мучай задницу! Это, значит, к тому, что любое ремесло, оно навыка требует...

Брат Теодор с тоской понял, что тетка сконцентрироваться на одном предмете не умеет, и пытается рассказывать обо всем сразу.

– Сколько я тебе должен за кукол, добрая женщина? – перебил он поток слов деловым предложением.

Тетка осеклась.

– Четыре денье, сударь!

– Вот, получи!

Четыре монеты звякнули в ладони кукольницы. Инициатива была перехвачена!

– Так, где сейчас папаша Луи?

– Да, я и говорю! Толстый Роже приходит домой и видит свою жену Жаннетту с этим!

– С кем?

– Не с кем, а с чем! С каучуковым фаллоимитатором!

Тетка, вообще-то, употребила не это длинное ученое слово, а простонародное, короткое. В русском языке оно состоит всего из трёх букв. Во французском на букву длиннее.

– Ну, Роже натурально спрашивает: это чего это? А Жаннетта отвечает: чего, чего, сам не видишь, чего? Тебя по целым неделям дома нету, а у меня организм ласки требует! Вот и купила заменитель муженька! Роже обиделся, треснул её по морде этим самым фаллоимитатором – синяк потом две недели не проходил! – и пошел на рынок искать папашу Луи. А чего его искать? Он и не прятался! Пришел, значит, Роже, и стал сперва ругаться. Он папаше Луи слово – а тот ему десять! До драки дошло, да! Катались в пылище, тузили друг-друга, а уж воплей было! И задавил Толстый Роже папашу Луи насмерть, а потом, значит, лавку евонную поджог! Ох и дыму было! Черный, такой, густющий! Ну, конечно, стража набежала, повязала мясника. Сидит сейчас в Бастилии, суда ждет. Люди говорят, что сошлют его на галеры, лет на десять, потому, в прошлом годе похожий случай был...

Но брат Теодор уже не слушал. Его затопило отчаяние! Сгорело всё: и лавка, и товары, погиб торговец Счастьем! Камилла! Камилла! Где тебя теперь искать?

Он ринулся на другие рынки, опрашивая администрацию, стражников, торговцев – всех подряд. Увы! Многие слышали про папашу Луи, почти все знали о постигшем его несчастье, но никто не знал, откуда он брал свой товар. И во всем Париже более никто не торговал каучуковыми изделиями!

Брат Теодор вернулся на постоянный двор только в сумерках. Был он настолько мрачен лицом, что капитан Паганини ни слова не говоря достал бутылку.

– Наливай! – махнул рукой монах и сразу же выпил, не дожидаясь, пока шкипер нальёт себе.

Тёмный ямайский ром разом просветлил сознание! В мозгу родилась идея, настолько гениальная, что брат Теодор выпил ещё.

Проспавшись, он направился на рю де Гринель, в Главное Управление Святой Инквизиции по Французскому региону. Там его принял зам по адмхозработе, брат Николас. Ознакомившись с папской грамотой, он подобрался всем своим рыхлым лицом:

– Слушаю тебя, брат Теодор!

– Ваше Управление дало экспертное заключение по каучуковым изделиям, которыми торговал на Гревском рынке некий папаша Луи... к сожалению, фамилию не знаю. У вас должны сохраниться записи, откуда прибыл товар, ну, и все остальное.

– О, я припоминаю! Действительно, были такие забавные каучуковые... г-м... игрушки... Но мы в них греха не обнаружили!

– Я знаю! Мне нужны детали, особенно – происхождение товара.

Кликнув помощника, брат Николас за какой-нибудь час нашел нужную запись в толстой амбарной книге.

– Вот, извольте: сей товар прошел таможеню в Кале, таможенный сбор уплачен, производитель – компания «Рагенброк» из Стокгольма. Это в Швеции, да. Представлен на экспертизу в Святую Инквизицию...

Но брат Теодор уже не слушал. Он выяснил главное! Стокгольм... Ничего, он сплавает туда на новокупленном корабле!

– Большущее тебе гран-мерси, брат Николас! Ты мне очень помог!

В тот же день он с двумя моряками покинул славный город Париж.

«Кале, Кале! Скорее купить корабль! И – на Стокгольм! А там...» – монах даже зажмурился от предвкушаемого.

Глава пятая

Марианну принялись готовить к внедрению в племя корижей уже на следующий день после кастинга. Первичный инструктаж провел сам Папа Григорий.

– Тебе, дочь моя, предстоит важнейшее и ответственнейшее дело! Племя корижей – языческое. Они поклоняются идолу под названием «Золотая Богиня». Как выяснил синьор ди Ранейро, статуя очень похожа на тебя. Мы решили воспользоваться этим совпадением и внедрить тебя в племя вместо статуи. Ну, типа, богиня ожила! Мы научим тебя корижскому языку, риторике, Священному Писанию, а также несколькими чудесам. Ты будешь нести свет христианства в души дикарей-язычников! Обратись в Истинную Веру целый народ! Твое имя войдет в историю, возможно (я уже говорил об этом!) тебя даже канонизируют! Но миссия эта чрезвычайно трудна и опасна. Ты будешь совершенно одна, и мы не сможем помочь тебе, если что-то пойдет не так.

– Я всё поняла, Ваше Святейшество! – восторженно воскликнула Марианна.

Авантюра захватила воображение. Никакие опасности не отвратят её от выполнения сей возвышенной миссии! Она сделает всё, чтобы язычники приняли Христа!

– Тогда иди и молись! Занятия начнутся уже сегодня.

Поскольку Самир не говорил по итальянски, на занятиях по корижскому языку пришлось присутствовать Корнелиусу. В трудных случаях он переводил с русского на итальянский, но, в основном, учитель и ученица справлялись без него. Самир показывал на предмет и называл его по корижски, а Марианна старательно повторяла. В тетради он рисовал картинки, объясняющие глаголы, предлоги, свойства. Дело двигалось успешно, и через две недели Марианна уже была способна поддерживать разговор на бытовые темы. Труднее пришлось, когда она начала учить Священное Писание. Многих слов Самир не знал, и Корнелиусу подолгу приходилось объяснять значения таких выражений, как, например, «Ковчег Завета».

Отец Валентин учил её риторике и ораторскому искусству, а также искусству внушения. Сестра Эсмеральда – бывшая танцовщица (и не только) работала над осанкой, походкой и жестикуляцией.

– Ты будешь изображать ожившую богиню, а значит, в каждом твоём движении, в каждом взгляде люди должны чувствовать нечто божественное! Ты должна двигаться плавно, величественно, значительно!

Марианна старалась изо всех сил, постигая все это.

Профессиональный фокусник-иллюзионист Марчелло учил её чудесам:

– Вот, смотрите, прекрасная синьорита: моя ладонь пуста. А теперь внимание! Барабанная дробь! На ней монета! Делается это так...

Марианна смеялась и хлопала в ладоши.

Через три месяца Папа вызвал всю команду, задействованную в проекте «Рокировка».

– Как продвигается обучение?

Первым, по его знаку, встал Самир. Он уже бегло говорил по итальянски.

– Синьорита Марианна уже говорить очень быстро! Ваше Святейшество! Произносить правильно, как настоящая корижка!

Вторым отчитался отец Валентин:

– Несомненные успехи в изучении Священного Писания, Ваше Святейшество! Цитирует легко, как по итальянски, так и по корижски! Ораторское искусство также освоила на уровне выпускника духовной академии. Считаю, что может успешно проповедовать. Вот, извольте,

проповедь, написанная ею на тему воскрешения Христа и вознесения его на небеса! – он протянул секретарю тетрадь.

Третьим встал Марчелло:

– Я научил синьориту Марианну почти всему, что умею сам. Она замечательно способная ученица! В любом цирке такую исполнительницу оторвут с руками, Ваше Святейшество!

Последней говорила сестра Эсмеральда:

– Занятия по пластике проходят с ошеломляющим успехом, Ваше Святейшество! По моему мнению, она готова. Но вы должны увидеть её сами.

– Что ж... Завтра устроим нашей «богине» экзамен! – лукаво улыбнулся Папа.

15 Мартуса 1581 года в зале для приемов собрались вся команда и Папа Григорий.

– Ну, что, всё готово? – нетерпеливо поинтересовался главный интриган.

– Синьорита Марианна готова! – провозгласил секретарь.

– Тогда, начинайте!

В зал вошла Марианна. Нет, не вошла, а всплыла! Она была обнажена и припудрена золотой пудрой. Пройдя плавной походкой до отметки, она вскинула руки и продекламировала что-то.

– Что она сказала? – повернулся Папа к Самиру.

– Она говорит: внемлите, смертные! К вам я обращаться, богиня светлая, ожившая внезапно! Я долго есть лежать в подземном склепе, а ныне я на солнце яркий выйти! Я рада есть увидеть ваше восхищенье! Склонитесь же пред мною, богиней золотою!

Когда Самир закончил перевод, Марианна изящным движением руки зажгла два факела, находившиеся от неё в десяти шагах. Затем потребовала (Самир перевел):

– Принесите мне чашу с водой!

Секретарь принес чашу, и Марианна, важно сделав несколько пассов, провозгласила:

– Сия вода в вино преобразилась! Пейте, смертные, и славьте Господа, чьим вестником являюсь я: Христа Иисуса, Сына Создателя земли, неба и человеков! В начале было слово... – и она принялась пересказывать Евангелие от Иоанна.

Самир едва поспевал переводить.

– Достаточно! Я впечатлен! – захлопал в ладоши Папа, – Теперь, пусть покажет что-нибудь ещё!

Марианна протянула руки, и, через мгновение, в воздух взлетел белый голубь.

– Сие есть символ третьей ипостаси Господа – Святого Духа, принесшего благую весть Марии Деве! Мария же Христа Иисуса родила впоследствии, не зная мужа! Чудо!

– Обалдеть! Убедительно, чрезвычайно убедительно! – восхищенно воскликнул Папа, – Это перевернет любого язычника, не будь я христианином! Ставлю высший балл! Экзамен сдан! Подойди же, дочь моя, я поцелую тебя!

От поцелуя на губах Святого Отца осталось немного золотой пудры. Секретарь деликатно вытер её салфеткой.

– Отлично! Ты готова, дочь моя! Завтра ты отправишься в Кале!

Команда вздохнула с облегчением.

– Да, а волосы? – спохватился Папа.

– Мы сводим её к цирюльнику, Ваше Святейшество! – поклонилась сестра Эсмеральда, – Я нашла того, кто владеет искусством красить волосы в любой цвет!

– Да будет так! – резюмировал Папа, – Перед отъездом покажитесь мне! Я дам благословение!

Надпись на вывеске гласила: «Позвони мне! И твои волосы станут нежными и шелковистыми!». Рядом висел медный колокольчик. Сестра Эсмеральда дернула за веревочку, и колокольчик звякнул.

- Кого там черт несет в такую рань? – раздался из-за двери страдальческий голос.
- Синьор парикмахер! Это я, сестра Эсмеральда! Мы с вами договаривались вчера!
- О, боже! Но, не в семь же утра!

Дверь отворилась, и дамам явилось опухшее со сна и похмелья лицо хозяина заведения.

- Заходите, – буркнул он, вывихивая челюсть в зевке.

Марианна, сопровождаемая сестрой Эсмеральдой, вошла.

- Чего угодно вашей милости? – осведомился одетый в ночную рубашку мастер.
- Угодно мне, чтоб цвет волос моих ты поменял на золотой! – торжественно продекларировала Марианна, сделав пассы руками.

Мастер мгновенно протрезвился. Челюсть его отпала: не каждый день в скромную мастерскую приходит не просто красавица, но божественно прекрасная красавица!

- Сию минуту, госпожа... Сию секунду!

Вскоре он появился одетый в рабочее.

- В золотой цвет, вы сказали, госпожа?

- Да, в золотой!

- Госпожа, я сделаю всё, что в моих силах! Вот краска... Я лично изобрел её! Если наложить на полчаса, то, я думаю, ваши прекрасные волосы приобретут нужный цвет... Извольте приблизиться к лохани, госпожа!

Волосы были вымыты и обработаны довольно вонючей пастой. Через полчаса они были вымыты снова. Цвет, действительно, был вполне золотой! Просушка волос с помощью веера, которым размахивал сонный подросток-подмастерье, заняла ещё полчаса.

И сестра Эсмеральда, и Марианна остались довольны результатом.

- Как долго действует? – осведомилась сестра Эсмеральда.

- Пока не вырастут новые... Примерно через две недели станет видно корни! Наложите состав на полчаса – и корни прокрасятся! – посоветовал мастер, с обожанием глядя на Марианну, – Скажите, госпожа... а вы... вы... ангел, да?

- Нет, я просто так, покраситься зашла! – рассмеялась девушка, вставая.

Расплатившись и поблагодарив изобретателя, дамы поспешили обратно во дворец.

Папа Григорий впечатлился: он долго трогал волосы, подносил их близко к глазам.

- Да, в самом деле – золотые! В природе такого цвета не существует! Благословляю тебя, дочь моя! Ты готова во всех смыслах!

В одиннадцать часов две повозки, нагруженные Марианной, сестрой Эсмеральдой, Корнелиусом, Самиром, отцом Валентином и двумя охранниками, покинули Ватикан и взяли курс на Кале. Коня Фуню пришлось продать, о чем Корнелиус с Самиром грустили. Славный был конь и веселил дорогой, как никакой другой!

Покупка корабля – дело архисложное! В этом брат Теодор убедился в первую же неделю по прибытии в Кале. Первый корабль, выставленный на продажу, синьоры Паганини и Страдивари добросовестно облазили от киля до клотика и отвергли.

– Во первых, днище все изъедено морским червем, а значит, течь может открыться в любую минуту. Во вторых – мачты. В них полно сучков, стало быть, сосна третьего сорта. Могут сломаться даже не в самый сильный шторм. В третьих, рулевые тяги в ужасном состоянии. В четвертых, эта посуда имеет маневренность лоханки для купания младенцев. В пятых, она вообще хреново спроектирована, слишком длинная, а это приводит к жуткой боковой качке. Не, хозяин, такое дерьмо брать нельзя!

- Что ж, будем искать! – почесал тонзуру брат Теодор.

Продажные корабли, да ещё нужного типа, появляются на рынке не каждый день! Прошло ещё две недели, пока новое плавсредство прибыло в порт. Его тоже отвергли.

Брат Теодор приуныл, ибо всей душой, а ещё более телом рвался в Стокгольм.

Третий и четвертый корабль также не прошли придирчивую проверку.

Пошел уже третий месяц пребывания в Кале. Брат Теодор злился, ходил мрачный и изводил своих помощников нытьём. В очередную субботу все трое собрались для совместного обеда.

– Есть один добрый бриг! – объявил капитан Паганини, чавкая каплуном с рисом, – Пришел сегодня утром из Лондона, сейчас разгружается. Мне шепнули в администрации, что владелец, он же шкипер, хочет уйти на покой. Нахлебался приключений, надо полагать.

Брат Теодор едва дождался понедельника, ибо воскресенье – день нерабочий, все отдыхают, в смысле – молятся, и деловых переговоров не ведут.

В понедельник утром уже в шесть часов (темнота, зимнее солнце встает поздно!) заспанные синьоры Паганини и Страдивари, влекомые пульсирующим от нетерпачки братом Теодором приплелись в порт.

– Вон тот! – буркнул капитан Паганини, показывая пальцем на стоящий на якоре корабль туазах в пятистах от берега.

Брат Теодор попытался рассмотреть судно в подзорную трубу, но ничего не увидел из-за темноты.

– Подождем! – заявил он твердо.

– Что, прямо здесь? – дуэтом возмутились моряки, – Холодно, хозяин, на ветру-то! Пойдем в таверну, позавтракаем не спеша, опохмелимся...

Признав их правоту, брат Теодор, тем не менее, уселся в таверне у самого окна, чтобы видеть вожделенный корабль. От волнения у него пропал аппетит, и миска овсянки так и осталась почти нетронутой. Зато жажда разыгралась не на шутку, и он в одиночку выхлестал целую бутылку доброго бургундского. Моряки, принявшие лишь по стопке рома не ради пьянства окаяннго, а здоровья для и дабы не отвыкнуть, взирали на такое невождержание неодобрительно.

– Ты бы тово... полегче, хозяин! Развезет тебя – кто будет торговаться и бумаги подписывать?

– Ой, кто бы говорил! – окрысился монах, но руку с кубком придержал.

Наконец, рассвело. На пристани нашли перевозчика – сутулого пожилого шведа, страдающего насморком. Тот запросил за перевоз два денье. Цена была завышена – обычно такая услуга стоила один денье, но брат Теодор торговаться не стал.

– Куда изволите, мессеры? – гусаво поинтересовался швед, когда все трое разместились в ялике.

– Правь вон к тому бригу! – ответил брат Теодор, поджимая ноги: на дне скопилось изрядно воды.

Ялик развернулся носом к волне и заскользил к кораблю. Пройдя половину разделявшего их расстояния, стало возможно прочитать название: «Falcon».

«Сокол, значит!» – мысленно перевел брат Теодор, – «Ничего, подходяще!»

В этот момент левое весло поймало краба, то-есть, попросту говоря, окатило ледяными брызгами пассажиров.

– Ты что, недоношенный сын прокажённой каракатицы, медузу тебе варёную в глотку и бушприт в кормовой клюз, в сортире учился грести, дерьмо размешивая? – злобно завопил брат Теодор, которому досталось больше всех.

Моряки посмотрели на него с уважением: во, нахватался за два месяца! А ещё даже в море не выходил!

– Да я тово... случайно! – смущенно оправдывался перевозчик, сморкаясь – Я, вообще-то, хорошо гребу, у меня рабочий стаж десять лет на галерах!

Сие было оставлено без комментариев, ибо над яликом уже нависал борт «Сокола» с восемью пушечными портами.

– Эй! На «Соколе»! – рявкнул басом Паганини, – К капитану, по делу!

Через минуту над фальшбортом появилась голова:

– Принимай конец!

Ловко закрепив пеньковый смоленый конец за кольцо на носу ялика, моряки ухватили сброшенный штормтрап и придержали.

– Давай, хозяин, ты первый!

Взобравшись на палубу, все трое были встречены пожилым, лет пятидесяти, осанистым дядькой в суконной куртке и треуголке. На левом плече его сидел нахохлившийся попугай.

– Я – капитан Джон Сильвер. С кем имею честь?

Все трое представились.

– Что привело вас, мессеры, на моё судно?

– До нас дошел слух, что вы собираетесь уйти на покой. Если это действительно так, то мы хотели бы купить ваш бриг, месье Сильвер, – учтиво проговорил брат Теодор.

– Х-м, быстро же здесь разносятся слухи! – улыбнулся капитан, – Что ж, прошу в каюту, поговорим.

В каюту юнга принес кофий.

– Я и в самом деле хочу продать корабль и осесть на берегу, – поведал капитан Сильвер, с хлюпаньем отхлебывая из кружки, – Здоровье уже не то, старые раны беспокоят... И то, сказать, тридцать лет непрерывного трудового стажа!

Брат Теодор сочувственно покивал и тоже отхлебнул напитка, поморщившись от горечи: сварено было крепко!

– Позвольте осмотреть судно? Да, и документы?

– Смотрите, конечно. А документы – вот! – из шкафика явились бумаги, перехваченные лентой.

Брат Теодор внимательно просмотрел их: бриг «Сокол», порт приписки Бристоль. Построен там же три года назад. Водоизмещение четыреста тонн. Вооружение – восемнадцать двадцатичетырехфунтовых пушек, то-есть, более, чем солидное. Днище обшито медным листом, ого! Единоличный владелец судна – Джон Сильвер. Вроде, всё в порядке!

– Сколько у вас команды, месье капитан?

– Двадцать человек, включая меня. Все добрые католики. Мне бы хотелось, чтобы вы наняли их, если купите «Сокола». Сейчас среди моряков безработица.

– О, это вполне возможно, но мы должны будем поговорить с каждым из них.

– Ну, разумеется, разумеется!

Попугай потоптался на плече, распустил крылья и хрипло скомандовал:

– По бим-бом бр-рамселям! Крепи шкоты, ур-роды!

Через два часа, когда брат Теодор уже допивал третью кружку кофию, вернулись эксперты.

– Годится, хозяин! Посудина новая, крепкая, как орех. Маневренность превосходная! Я её настрою, как скрипку, и такое вам изображу! – гудел Паганини, – Чтоб мне не выпить в жизни ни капли рому, если я не выжму с попутным ветром двадцать узлов!

– Верно, двадцать узлов вполне реально! – подтвердил Сильвер.

– Дерево везде новое, аж звенит! Мачты кедровые, днище медью обшито! В трюме сухо, как в глотке с похмелья! – выдал своё заключение плотник Страдивари, – Надо брать, хозяин! Лучше не найдешь!

Скрывая ликование, настырно рвавшееся на лицо, чтобы расцвести там широкой глупой улыбкой счастья, брат Теодор открыл переговоры:

– И какая же ваша цена будет, месье Сильвер?

– Ну... как отдать! Судно, считай, новое, пробег небольшой... Я думаю, двадцать сотен гиней будет в самый раз, – сдвинул треуголку на затылок капитан и хитро прищурился.

– Побойтесь Бога! За такие деньги я могу купить фрегат! Тысяча пятьсот гиней – красная цена! – ринулся в бой брат Теодор.

– Не, Бога бояться не надо, он добрый! А жалкие пятнадцать сотен гиней за корабль, который проходит двадцать лет без капремонта – это просто смешно!

– Да, действительно, я погорячился... Тысяча семьсот пятьдесят!

– Во-от, это уже лучше! Ладно, слугитель культа, я сбавлю тридцатку, хотя это наполняет моё сердце печалью.

– Тысяча восемьсот двадцать – и пусть печаль в вашем черством сердце сменится радостью!

– У меня четверо детей и шестеро внуков! Они умрут с голоду, если я продам последнее, что имею, за такие гроши!

– Только из жалости к вашим прожорливым потомкам, капитан: тысяча восемьсот пятьдесят! На эти деньги они смогут жрать до отвала двести лет, судя по теперешним ценам на базаре!

Ну, всё, как у людей! Торговались пять часов. Сошлись на тысяче девятистах гинейях. Ударили по рукам и пошли в маклерскую контору оформить сделку. Векселя заранее вызванный О'Кэйн подписал, не задавая вопросов. Он, вообще, не промолвил ни слова и моментально исчез, едва его миссия закончилась.

Куплю-продажу брига вспрыснули от души в таверне, а как же!

Брат Теодор, не позавтракавший, как мы помним, выпил рому наравне с моряками и сделался пьяный. Несколько раз он порывался петь псалмы, но сбивался и переходил на застольно-кабацкий репертуар. Типа:

В нашу гавань заходили корабли.

Большие корабли из океанов!

В таверне веселились моряки

И пили за здоровье капитанов.

Он лобызался с подавальщицами, какими-то солдатами, и даже с нищим шарманщиком. Он пытался завязать драку со здоровенной рыбацкой, приняв её спяну за своего давнего недруга, аббата Нуаре, но сия дама могучим кулаком врезала монаху в лоб, и тот обмяк на лавке, клонясь лицом в миску с недоеденным луковым супом.

Изрядно поддатый Сильвер потряс его за плечо:

– Слышь, монах! А зачем ты у меня купил корабль?

– Н-не могу сказать... Тайна сия велика есть... – проямлил брат Теодор.

– Ну, а всё-таки?

Брат Теодор подтянулся, на миг вынырнув из нирваны, и громко, на весь кабак, громыхнул:

– Мне! Надо! В Стокгольм!

Протрезвившись во вторник к полудню, брат Теодор приказал, морщась от головной боли:

– Разберитесь с командой, синьор Паганини, если необходимо, наймите дополнительно столько людей, сколько считаете нужным. И ищите любой фрахт на Стокгольм! Только на Стокгольм, раздери его крабы на мелкие кусочки!

– Но, почему именно туда? – озадаченно выкатил глаза шкипер.

– Такое у нас задание! – соврал монах и густо покраснел.

Почти вся команда подписала новый контракт. Новый капитан нанял ещё семь человек, том числе опытного канонира. Три дня после этого судно грузилось провиантом, водой, порохом, а также ромом. А ещё через два дня нашелся фрахт на Стокгольм! Швейцарский сыр!

– Есть же чудачки, швейцарский сыр им подавай, как будто голландский плох! Или, скажем, французский! Он же, пока с Швейцарии довезешь с пересадками, втрое дороже станет! – ворчал Страдивари.

– Это ты лопаешь всё подряд, – пожимал плечами капитан Паганини, – А сыр – продукт деликатесный, для тонких знатоков и ценителей, медузу им без соли вареную в плотку!

Короче, через восемь дней после покупки брат Теодор с наслаждением услышал долгожданные слова:

– Поднять кливер! С якоря сниматься!

Марианна и ее спутники добрались до Кале за двадцать пять дней, и все это время обучение не прекращалось. Тем не менее, девушка не уставала, а наоборот, становилась сильнее духовно (благодаря занятиям с отцом Валентином), и физически (благодаря занятиям с сестрой Эсмеральдой). Все шло согласно плану, в котором, к немалому беспокойству Корнелиуса и отца Валентина, обнаружилось очень тонкое место. Самир мог сообщить лишь самые общие сведения о Золотой Богине. Он ничего не знал об истории культа, о ритуалах и молитвах, ибо, как мы помним, в Богиню ему верить было не положено. Также парень не был сведущ в мифологии корижей, знал только, что она есть и представлена сагами. Под гипнозом отец Валентин заставил беднягу вспомнить эти самые саги, исполнявшиеся на пирах. Но то были отрывки – не мог же раб сидеть и слушать менестреля от начала и до конца! Он должен суетиться по хозяйству, а не то пинка за леность не задержатся отвесить! Отец Валентин тщательно записал перевод отрывков и проанализировал информацию.

Вот что удалось выяснить: в стародавние времена слетела с неба звезда. Она горела целый день и даже лес загорелся. Люди в страхе бежали, но потом, когда пожар погас, вернулись. Из скалы, в которую превратилась погасшая звезда, вышел Великий и вынес спящую богиню.

Ещё были отрывки, прославляющие Великого и приписывающие ему разнообразные героические деяния: он, дескать, научил людей ковать железо, сеять ячмень и варить пиво. Прожил Великий до ста лет и оставил множество потомков, а богиня осталась молодой навсегда.

– Это же необычайно интересно! Подобный эпос мне ранее никогда не встречался! – восторженно потирал руки отец Валентин.

– Маловато будет! – вздохнул Корнелиус.

Но, что же поделать! Больше информации взять было негде. Оставалось уповать на харизму Марианны, её сходство с идолом, умение внушать, ну, и всё остальное.

В Кале заселились в ту же гостиницу, что и брат Теодор с помощниками, но их на месте не оказалось.

– Отлично! Раз их здесь нет, значит корабль они уже купили! – сообразил начальник экспедиции, сиречь, синьор ди Ранейро.

Расспросы в администрации порта дали следующее: бриг «Сокол» с братом Теодором на борту взял фрахт на Стокгольм три дня назад и тогда же покинул порт.

– Эх, всего на три дня разминувшись! Ну, что ж, будем ждать! – подкрутил усы Корнелиус.

«Сокол», и впрямь настроенный капитаном Паганини, как скрипка, прибыл в Стокгольм через неделю после отплытия из Кале.

– Это из-за встречного ветра так долго шли, – пояснил капитан, самодовольно попыхивая трубкой, – Будь ветер попутный – в пять дней бы долетели!

Ступив на долгожданный берег (во время рейса сильно укачался!), брат Теодор бросился на поиски компании «Рагенброк».

Стокгольм, на взгляд брата Теодора, был плохим городом – слишком оказался заражен протестантством. Многие прохожие смотрели на его рясу довольно косо, некоторые кричали вслед оскорбления, которых брат Теодор не понимал из-за невладения местным языком, но догадывался, что его обижают. По интонации.

Дойдя до муниципалитета, в который стояла довольно-таки длинная очередь, он попытался эту очередь обойти, но был бесцеремонно схвачен за шиворот и отброшен назад. Пришлось стоять, смилив раздражающее организм нетерпение молитвами. Отстояв два часа, он, наконец, вошел в кабинет бургомистра – средних лет дядьки с пивным животиком и красными прожилками на большом мясистом носу.

Строго помаргивая маленькими голубыми глазками из-под насупленных бровей, бургомистр что-то спросил.

– Пардон, месье! Я не понимаю по вашему. Говорите ли вы по французски?

Французский в ту эпоху был международным языком, как, впрочем, и немецкий.

– Уй, натюрлих! – ответил бургомистр, – Что ты хочешь?

Брат Теодор на всякий случай предъявил Папскую охранную грамоту, но та была проигнорирована. Видимо, бургомистр католиком не был. Пришлось говорить просто так, без укрепы.

– Я хотел бы знать, как мне найти компанию «Рагенброк». Она зарегистрирована у вас, в Стокгольме.

– И ты за такой пустяк приходишь ко мне? – побагровел бургомистр, но быстро взял себя в руки, – Это не к мне! Это ходить к Свенсону, он знает, не я! Второй дверь на правой руке. Адью! – и почему-то добавил по испански, – Хихо де пута!

«Надо будет обязательно спросить у ди Ранейро, что это значит! Вдруг, обидное чего?» – сделал мысленную зарубку брат Теодор, шагая по коридору.

Вот и нужная дверь. И никакой очереди! Зря, выходит, время потерял... Постучался. Из-за двери донеслось нечто нечленораздельное, но приветливое, судя по интонации. Вошел.

За столом, заваленным бумагами, сидел унылого вида худой сутулый человек. Его пальцы и нос были испачканы чернилами.

– Бонжур, месье! – осторожно поздоровался брат Теодор.

– Бонжур... – кисло ответил чиновник.

Видимо, для него день был не очень.

– Вы не подскажете, как мне найти компанию «Рагенброк»? Она зарегистрирована здесь, в Стокгольме.

– О, месье монах! – тяжело вздохнул унылый Свенсон, – У меня столько дел! Я постараюсь вам помочь... Зайдите через неделю, я навести справки.

Брат Теодор был не из тех, кто легко сдается! Он положил на стол серебряный талер.

– А! Начинать вспоминать! – мгновенно оживился Свенсон, – «Рагенброк»... «Рагенброк»...

– Каучуковые игрушки, – подсказал брат Теодор и положил на стол ещё один талер.

Ни слова не говоря, Свенсон умакнул перо и принялся что-то писать.

– Я жду, месье! – напомнил брат Теодор нетерпеливо.

– А я что, по вашему, делать? Я есть писать адрес! Вот, месье монах, идите туда!

Название улицы было написано разборчиво, но оказалось совершенно непроизносимым. Но, это были пустяки! Выскочив на свежий воздух, брат Теодор ухватил за штаны какого-то мальчишку лет двенадцати и деловито спросил:

– По французски умеешь?

– Даже и не надейся! – строго заявил пацан на искомом языке, – Извращенец!

Брат Теодор сначала не понял, а когда понял, то покраснел.

– Нет, я совсем не это... Читать умеешь?

– По французски? Нет! – мальчишка все ещё смотрел настороженно.

– А по шведски? Можешь прочесть, что здесь написано? – брат Теодор показал бумажку с адресом.

– Могу!

– Проводи меня туда, и я дам тебе крону.

Посул был щедрый, за крону можно было купить хлеба и есть его целую неделю.

– Три кроны! – быстро потребовал абориген.

– Во, вымогатель... Две! Одну сейчас, другую – когда придем!

– Согласен! – мальчишка плюнул на ладонь и звонко ударил ею по ладони монаха.

И они пошли. Через полчаса на очередном перекрёстке им встретила компания дородных молодых людей, явно скучающих и ищущих, чем бы развлечься.

– Эй, Калле! – окликнул пацана самый большой из них, – Ты где шляешься, братишка?

– Вот, меня монах нанял в проводники за две кроны! – гордо похвастался Калле.

Брат Теодор не понял ни слова, но по интонациям догадался, что это встреча родственников.

– Ого! Ну-ка, ну-ка... – старший брат проводника вразвалочку подошел ближе.

Совсем вплотную! Остальные тоже приблизились и окружили брата Теодора. Он оказался как бы в лесу с толстенькими стволами, так высоки и могучи были молодые люди. Викинги, ага! Стало как-то неуютно.

– Эй, ты, монах! – умеренно вежливо обратился к итальянцу вожак по французски, – Мелочь есть? А то у нас на пиво не хватает!

Говорил он с сильным акцентом и спрашиваему показалось, что его хотят угостить пивом.

– Э-э... – проблеял брат Теодор, – Мерси, нон!

– Нон!? А если найду? Ну-ка, попрыгай!

Короче, пришлось добровольно расстаться с двумя талерами мелкой монетой. Зато цел остался!

Всего в десяти минутах ходьбы от перекрестка нашлась нужная улица.

– Вот эта улица, вот этот дом! – показал Калле пальцем, – Гони монету!

– Подожди! – взмолился брат Теодор, – Подожди меня здесь, проводишь потом до порта!

– Ну, тогда с тебя ещё две кроны, монах!

Брат Теодор кивнул и вошел в ворота, украшенные кривовато висящей вывеской «Раген-брок».

В конторе он увидел седого маленького человечка в красном колпаке, похожего на сказочного гнома.

– Бонжур, месье! – приветливо поздоровался гном с посетителем.

– Бонжур! Я хотел бы узнать поподробнее о ваших каучуковых изделиях... то-есть, купить... э-э... надувную Камиллу.

Гном надул щеки:

– К сожалению наш экспериментальный цех сейчас простаивает – нет спроса. В связи с этим мы временно свернули производство игрушек для взрослых и перешли на клизмы.

Кстати, не желаете ли клизму, месье? Лучшее средство для очищения кишечника на сегодняшний день!

– Нет, спасибо, не надо! Но почему вы говорите, что нет спроса? Торговец Луи в Париже... у него игрушки из рук рвали!

– Да, мы посылали пробную партию в Париж, припоминаю... Но упомянутый вами торговец больше не заказывал. Видимо, разочаровался.

– Он умер, – угрюмо буркнул брат Теодор, – Вернее, его убили.

– О! Какая жалость!

– Вы можете продать мне Камиллу? Здесь и сейчас? Должны же у вас остаться... ну, я не знаю... выставочные образцы?

Гном задумчиво почесал нос:

– Есть... одна... бракованная. Но она вам не понравится, месье монах.

– Все равно, покажите!

Гном вышел в соседнюю комнату и через полчаса вернулся. В руках у него была жуткая уродина! Голова куклы была огромной, как при гидроцефалии, и лысой. Кривой рот от уха до уха, одна нога вполтину короче другой, левая грудь маленькая, а правая большая. Брат Теодор содрогнулся. Все, что напрягло и звенело от предвкушения встречи с Прекрасным, сразу опало.

– К тому же, она не функционирует, – грустно сообщил гном.

– То-есть!?

– Ну, отверстий нет. Ни одного. Я же говорил: брак!

Брат Теодор задумался.

– А где ещё можно купить ваши изделия?

– Увы, нигде! Все распродано. Мы как раз получили отчеты из Копенгагена, куда отправляли основную массу товара, они больше не заказали. И здесь, в Стокгольме, тоже пришлось закрыть магазин. Неперспективное, убыточное производство. То ли дело клизмы!

– А на заказ вы делаете? – с надеждой спросил брат Теодор.

– Нет.

– Но, почему? Я бы заплатил хорошие деньги... золотом!

– Форма, в которую заливался каучук, пришла в негодность. Вы видели результат.

– Ну, так, сделайте другую!

– Мастера нет. Вернее есть, но он в тюрьме. Выйдет не скоро, лет через десять.

Брат Теодор глухо застонал и рванул себя за волосы.

Гном сочувственно шмыгнул носом:

– Послушайте, месье монах! А зачем все так усложнять? Разве мало красивых живых женщин?

– Ой, как вы не понимаете! У меня же обет безбрачия! Целибат называется!

– Г-м, тогда, конечно... А, если вам перейти в лютеранство? Реформатская церковь не требует такого самопожертвования... – врадливо намекнул искуситель.

– Нет! Нет! Нет! Изыди, сатана! – вскричал брат Теодор и выскочил из конторы.

Святая Церковь была для него всем. Она вскормила и вспоила его, дала образование! И служит он у самого Папы! И самому Папе исповедуется! Скрыть любой грех невозможно. А Папа суров и покарает за нарушение обета! Лютеранство, фу! Что там делать? Странно, что гном в Ислам не предложил перейти! Г-м... там, вообще-то, многоженство...

Мрачнее тучи брат Теодор вернулся на бриг.

– Хозяин! Сыр разгрузили. Есть выгодный фрахт на Лондон! – встретил его в каюте широкой улыбкой капитан Паганини.

– Нет, не надо. Возвращаемся в Кале.

- Порожняком?! Но, как же так, хозяин... Команда ждет доли в прибылях!
- Заканчивайте все дела на берегу и отчаливайте поскорее, сто тухлых морских ежей команде в задний фарватер! – раздраженно выругался брат Теодор и присосался к бутылке.

Глава шестая

Пока экспедиция «Рокировка» ожидала возвращения корабля, сестра Эсмеральда учила Марианну основам обращения с мужчинами.

– Мужчины только кажутся сильным полом, девочка. На самом деле Господь сотворил их мягкими и податливыми, как воск, и прозрачными, как родниковая вода. Я научу тебя видеть их насквозь! В умелых женских руках практически любой, будь он хоть принцем или нищим, рыцарем или палачом, примет нужную форму. В смысле, будет делать все, что захочет женщина. Конечно, есть упрямцы и есть слабовольные, есть скептики и есть доверчивые экзemplяры. К каждому нужен особый подход. Разумеется, многое зависит и от цели, с которой женщине нужен мужчина. Сделать так, чтобы он обожал тебя на расстоянии не менее трудно, чем заставить себя страстно вожделеть. Кстати, самое лёгкое – это склонить мужчину к свадьбе. А самое трудное – развести на деньги! Знание – сила! И, дабы сию силу обрести, ты должна запомнить следующее...

Эти занятия были, пожалуй, самыми интересными! Через неделю Марианна успешно практиковалась, выполняя задания сестры Эсмеральды. Происходили удивительные вещи! То моряки в таверне поссорились едва не до драки, споря, кто из них будет платить за вино, заказанное девушкой, то сосед-лавочник (женатый, между прочим!) принес цветы и томно вздыхал, с обожанием взирая на золотые кудри (завитые щипцами!). А потом душка военный, бравый барон д'Ариньяк из Пуатье, после каких-нибудь пяти минут общения с нашей героиней преклонил колени, признался в глубокой, как океан, и жаркой, как недра Везувия, любви... и сделал формальное предложение руки, сердца и прописки в родовом замке! Марианна это предложение отвергла, хотя и не без некоторых колебаний. Все-таки, не каждый день аристократы предложения делают! Барон, рыдая в голос, ушел, клятвенно заверив, что наложит на себя руки.

– Видишь, какую силу ты обрела! – смеялась сестра Эсмеральда, от души забавлявшаяся происходящим.

– Ага... Только... а вдруг, он и вправду... тово? – забеспокоилась практикантка.

– Г-м! Вопрос, конечно, интересный! Может – да, а может, и нет... Ну его! Не будем рисковать! Иди, догони беднягу и переделай всё обратно. Нельзя, чтоб мужчинка мучался!

– А как?!

– Да все то же самое, только наоборот!

Марианна догнала барона, не успевшего уйти далеко. Он стоял на краю пристани и привязывал веревку к камню. Другой конец веревки был обернут вокруг шеи.

Слова не понадобились. Девушка просто посмотрела на жертву своего искусства особым взглядом, приняв при этом определенную позу. Барон вздрогнул, снял с шеи веревку, и, со словами:

– Да пошла ты! – швырнул камень в море и ушел не оглядываясь.

Марианна растерянно таращилась ему вслед. Эффект превзошел все её ожидания!

– Это ты немножко слишком сильное лекарство применила! – обняла её за плечи сестра Эсмеральда, – Достаточно было сделать, чтобы он тебя просто разлюбил, а не презирал! Ничего, бывает! Первая пицца – комом! (Национальная итальянская поговорка такая! – прим. Автора)

В начале месяца Майуса в гавани бросил якорь долгожданный «Сокол». Брата Теодора встречал на пристани лично начальник экспедиции «Рокировка», сиречь, синьор ди Ранейро.

– Я вижу, вы умудрились купить славный кораблик! – кивнул он в сторону брига после обмена приветствиями.

– А вы что, знаток? – желчно подколот брат Теодор.

В нем, комиссаре экспедиции, с недавних пор росла и развивалась неприязнь к Корнелиусу, обладающему надувной Камиллой, которая, по большому счету, ему была нафиг не нужна. Спал бы с живой бабой! Подумаешь, большой грех! Да в любом храме такой запросто отпускают и епитимью накладывают чисто символическую! Нет, назло человеку, связанному целибатом, спит с каучуковой! А человеку хоть пропадай... каучуковую взять негде!

Зависть!

– Ну, как бы – да! – пожал плечами Корнелиус, – Я же Атлантику два раза пересекал туда и обратно!

Тут из шлюпки вылез капитан и брат Теодор принялся их знакомить.

Рукопожатие капитана едва не расплющило руку Корнелиуса, но он не обиделся, а, наоборот, зауважал моряка и предложил выпить за знакомство.

Пошли в кабак, то-есть, в таверну. Брат Теодор, поразмыслив, присоединился. После девятидневного перехода сильно хотелось захмелиться, дабы устранить последствия морской болезни.

– Как добрались? – поинтересовался Корнелиус после первой.

– Нормально. Только шторм нас задержал на три дня, чтоб ему под собственным дождем ноги промочить и сдохнуть от простуды.

– А корабль, как? Выдержал?

У синьора Паганини от восторга загорелись глаза:

– Это не корабль, а скрипка, синьор ди Ранейро! Да что там – виолончель! Тугой, как бубен! После шторма воды в трюме было меньше, чем слёз на похоронах ростовщика! А таке-лаж! Хоть бы один шкотик провис! Руля слушается, как портовая девка богатого клиента! На таком – куда угодно, хоть в Америку, хоть в Индию!

Выпили за «Сокола». С энтузиазмом.

– Привезли какой-нибудь груз, капитан?

– Нет, мы порожняком, – при этих словах Паганини неприязненно покосился на брата Теодора, – Сосем теперь... г-м... лапу.

– Нам надо было торопиться, не так ли? – с вызовом отозвался тот.

– Вот совершенно, вот именно! – согласился Корнелиус и налил по третьей.

Выпили.

– Пополните запасы воды и провианта безотлагательно и возьмите груз. Я закупил всё, что нужно, пока вас не было. Мы должны отплыть как можно скорее, синьор Паганини!

– Осмелюсь спросить, синьор ди Ранейро, куда мы пойдем?

– В Белое Море. Там, на берегу есть деревня...

Синьору Страдивари было дано задание соорудить ящик с дырками, дабы поместить в него Марианну. Когда тот встретился с ней, чтобы снять мерку, Марианна не смогла удержаться и немного пококетничала. В результате обычно прижимистый плотник за собственные деньги купил красное дерево (дорогущее!) и кору португальского пробкового дуба (ещё более дорогую!), из которых сварганил такой обалденно красивый сундук с крышкой на бронзовых фигурных петлях, что хоть в музее выставляй!

– Вы настоящий кудесник, синьор Страдивари! – восхитилась Марианна, трогая пальчиком полированную и украшенную причудливой резьбой крышку.

– Не желаете ли примерить сей наряд, прекрасная синьорита? – деланно небрежным тоном предложил плотник-виртуоз и хитро прищурился.

Марианна с помощью сестры Эсмеральды улеглась на приятно упругое пробковое дно и закрыла крышку.

– Ну, как? Не жмет?

– Нет! Очень даже удобно лежать... и дышать легко! Ой! А чем это пахнет так приятно?
– Это я изнутри выложил крышку сандаловым деревом! – скромно потупил глаза Страдивари.

Марианна вылезла из сего произведения искусства и поцеловала мастера в щеку.

– Спасибо, Альфредо!

Того качнуло.

Сестра Эсмеральда, видевшая все, погрозила Марианне пальцем.

20-го Майуса экспедиция тронулась в путь. Сестра Эсмеральда долго махала вслед удаляющемуся бригу платочком. Она должна была возвратиться в Рим и доложить Папе обо всей подготовительной работе.

Капитан Паганини взял курс на норд, чтобы дойти до Гольфстрима и с его могучим течением обогнуть Скандинавский полуостров. В Швецию заходить не предусматривалось.

Десяток охранников и могучий Джино, стоивший троих бойцов и занимавший место двоих, (больше для охраны каравана, идущего с товарами из прибрежной деревни в Корижу, взять было нельзя, вызвало бы подозрения) разместились в трюме, в специально построенном для них кубрике. Им было там тесно и неудобно, что они компенсировали непрерывным пьянством.

Отец Валентин тоже пьянствовал в своей каюте, а в моменты трезвости молился Господу, Святой Деве Марии и всем святым, которых только мог вспомнить, об укреплении духа. Он сильно трусил, ибо ему предстояло остаться в Кориже с Марианной после подмены идола, дабы крестить руководство племени в христианскую веру. Ну, а потом, возможно, и всех остальных корижей.

«Ведь, если спалимся, то меня не просто на куски порвут и кишки на пику намотают, а ещё могут и чести лишить, и достоинство унизить! Язычники, они такие!» – озабоченно думал он и, дабы заглушить страх, пил ром стакан за стаканом.

Помогало, но плохо. Что делать-то, люди? Он не боец, он профессор теологии... Попросить, чтобы высадили не берег? Не послушают! Будут уговаривать выполнить, что обещал.

Когда на горизонте завиднелись берега Норвегии, пришло решение: спрыгнуть с корабля! Жизнь дороже славы и перевешивает даже возможный гнев Папы! В Норвегии или Швеции он не пропадет, специалисты-теологи везде нужны. В крайнем случае перейдет в Лютеранство!

План его был прост и изыщен, как отрывка после пива: симулировать болезнь! Ссадят на берег, как миленькие! Врача-то на судне нет! Но, что симулировать? Заявить, что живот заболел? Не годится, будут пытаться лечить домашними средствами... и корабль не остановят. Вот, если заразная болезнь, то остановят! Но отец Валентин не был сведущ в медицине и из заразных болезней знал только чуму и холеру. Ну, ещё проказу. После длительных раздумий решил симулировать чуму, ибо холеру симулировать сложно, а проказу – невозможно. Для этого вшил в подмышки натальной рубахи и в паховую область подштанников вырезанные из брюквы шарики, долженствующие изображать чумные бубоны. Затем наелся имбиря и горчицы (от этого повышается температура!) и, улегшись на койку, слабым голосом позвал юнга. Тот пришел, привычно прихватив для падре бутылку рому, которую едва не уронил при виде пассажира. Отец Валентин лежал на койке красный и потный, явно больной!

– Что с вами, святой отец? – встревоженно воскликнул юнга.

– О-ох, худо мне... Весь горю... – жалобно простонал хитрец и выпустил на подбородок струйку крови из прокушенной губы.

Юнга помчался к капитану. Время было обеденное, и капитан принимал пищу в компании Корнелиуса и брата Теодора.

– Капитан! Там... падре заболел! – выпалил юнга, все ещё держа в руке бутылку, – Горит весь!

Синьор Паганини встревожился. Корнелиус и брат Теодор – тоже.

– Ну-ка, схожу, посмотрю! – капитан встал из-за стола.

Корнелиус тоже поднялся. Брат Теодор – нет.

– Оставайтесь здесь! – приказал Паганини, – Вдруг у него какая-нибудь зараза!

Войдя в каюту отца Валентина, он сразу нахмурился: священник выглядел скверно.

– Что болит-то, падре?

– О-ох... Всё! Но, особенно тут, – симулянт, томно закатывая глаза, показал на пах, – и здесь, подмышками!

Капитан потрогал в указанных местах и нащупал твердые катышки величиной в грецкий орех. Бубоны!

– Чума... – прошептал он, мертвее лицом.

Вернувшись в свою каюту, он угрюмо сдернул с головы треуголку:

– У него чума, синьоры!

Корнелиус от ужаса лишился дара речи. Брат Теодор – нет, хотя тоже испугался.

– Что же теперь будет с нами? – истерично возопил он.

– Что, что... Положимся на волю Божию! – капитан благочестиво, но обреченно перекрестился, – Надо будет весь корабль обрызгать уксусом и окурить дымом. Так принято по технике безопасности... хотя и не помогает ни фига. Синьор монах отслужит молебен – вот это должно помочь. Ухаживать за болящим буду я.

– Почему? – зачем-то спросил Корнелиус, к которому после стакана рома вернулся голос.

– Чумой два раза не болеют, а я болел. В Египте, лет восемь назад.

– И, что?

Капитан бросил на него уничтожающий взгляд и сардонически хохотнул:

– Что, что! Умер, конечно! А труп мой сожгли!

Подумав, грустно добавил:

– Придется высадить беднягу падре на берег.

На следующий день «Сокол» бросил якорь на рейде Осло. На сигнальном фале подняли два флага: «Виски» (красный квадрат, на белом фоне, окруженный синей, квадратной же каймой), означающий «Нужна медицинская помощь», и черный, означающий, что на судне чума.

Через два часа (это очень скоро!) к бригу подошел вельбот. И гребцы, и чиновник были одеты в парусиновые балахоны, пропитанные дегтем, и перчатки. Лица были замотаны повязками.

– Эй, на бриге! Сколько у вас больных? – крикнул чиновник.

– Один! – перевесившись через фалышборт, ответил капитан Паганини.

– Мы заберем его в карантин!

В боцманской люльке падре спустили в вельбот и обрезали конец, чтобы не втаскивать зараженную вещь обратно. Пожитки отца Валентина капитан сжег в камбузе ещё раньше.

– Следуйте своим курсом! – прокричал в рупор чиновник, – Высадка на берег вам запрещается!

И бриг двинулся дальше, чтобы встретиться с Гольфстримом.

На берегу отец Валентин признался, что симулировал чуму, дабы сойти на берег. Чиновник, услышав это, заскрежетал зубами от злости и хотел ударить его, но сдержался. А гребцы не сдержались, и плотно навалили обманщику по шее!

Несмотря на это, отец Валентин счастливо улыбался: он снова был в безопасности!

Бриг шел на норд-ост уже несколько дней. Пассажиры и команда усердно молились, чтобы не заболеть. И палуба, и жилые помещения, и трюм – все воняло уксусом и порохо-

вым дымом. Брат Теодор отслужил семь молебнов о здравии плавающих и путешествующих. На восьмой день капитан Паганини собрал всех на палубе:

– Я думаю, чума нас миновала. Обычно она проявляется, максимум, через неделю. Восславим же Господа за избавление от заразы! А брату Теодору отдельное спасибо! Если бы не он...

Все истово помолились, а как же! Потом мужская часть пассажиров и команды обильно отметила сие знаменательное событие. Марианна не пила. Она мучилась вопросом: как без отца Валентина крестить народ в христианство? Ответа не было. Когда спросила об этом брата Теодора, тот, глубокомысленно сдвинув брови, выдал:

– Главное – уговорить. А креститься можно и позже...

Всё равно непонятно! Как это, позже? Пришлет ли Папа другого священника? И как ему сообщить, что коридоры готовы принять христианство?

Тем временем, «Сокол» приближался к Белому морю. Несколько раз встречались айсберги. Их причудливые формы и сверкающие на солнце алмазными радугами грани очаровывали Марианну. Капитан же старался обходить их как можно шире, зная о возможных подводных отроствах льда, простирающихся иногда на сотни фатомов.

На десятый день после Осло встретился первый кит. Всплыл всего в десяти фатомов от судна, озорник эдакий! Пустил высоченный, выше мачт, фонтан. До Марианны, стоявшей на палубе, даже донеслось довольно-таки вонючее дыхание животного! Она пугливо отшатнулась: вдруг бросится, начнет кусаться... или руки-ноги выкручивать?

– Это называется синий кит! – снисходительно успокоил девушку капитан Паганини, – Он безвредный: питается мелкими рачками, которых процеживает сквозь усы! – и небрежно плюнул в кита, но промахнулся.

Марианна попыталась представить, сколько фунтов рачков потребно, дабы наестся такому гиганту – и не смогла.

Кит плеснул хвостом, подплыл поближе и разинул пасть. Раздался хриплый бас:

– Эй, ты! Чего плюваешься? Обидеть норовишь? А ещё в шляпе! Смотри, щас ка-ак дам хвостом и переверну твой плавучий остров!

Говорил кит по итальянски со сварливыми базарными интонациями.

Капитан Паганини побледнел и прыгающими губами принялся читать молитву об изгнании бесов, одновременно широко осеняя кита крестным знаменем, ибо так рекомендовала инструкция по технике безопасности.

Марианна же содрогалась от сдерживаемого смеха: уроки Марчелло, научившего её чревоутолению, не прошли даром!

Кит, между тем, снова плеснул хвостом и ушел в глубину.

– Нет, вы слышали, синьорита? – возбужденно повернулся к девушке всё ещё бледный Паганини.

– Слышала... – напустила на себя испуганный вид Марианна, – Ох, и испугалась! А он и в самом деле может корабль опрокинуть, синьор капитан?

– Раз говорит, значит может... наверное, – просыпая табак, капитан торопливо набивал трубку, – Ну, ваще! Впервые в жизни со мной зверюга говорила! А звери обманывать не умеют!

– Зверюга? А разве он не рыба? – не на шутку удивилась девушка.

– Зверь он, животное, сто соленых салингов ему в ноздрю вперехлест через хребтину до самой почки! Детенышей молоком кормит, и лёгкие у него, а не жабры. Я на них немало поохотился, знаю! ... Ой! Прошу прощения, синьорита, мне надо... срочно... – и Паганини быстро засеменил в галюн.

История о говорящем ките мгновенно разнеслась по судну. Оказалось, что его угрозы слышали также рулевой, боцман и трое матросов. Мнения разделились: брат Теодор принял

сторону капитана и объявил, что в кита, несомненно, вселился бес. Ну, типа, бесноватый кит! И правильно капитан сделал, что от него открестился, а то мало ли что!

Корнелиус, как человек, считающий себя прогрессивным и много повидавший, в том числе и говорящих попугаев, предположил, что это был неизвестный дотоле феномен природы. Однако команда его не поддержала, а поддержала монаха, чей авторитет сильно возрос после удачного предотвращения эпидемии чумы серией спецмолебнов.

Короче, шутка Марианны имела грандиозный успех! Она так и не призналась в содеянном, но сама себе пообещала больше так не делать: зачем людей зря пугать?

Когда день спустя снова встретился кит (тот же самый или другой, непонятно – поди их различить, китов-то!), на бриге сыграли аларм. По команде канонира Жана Пелье пушкары встали к орудиям. Все были хмуры и напряжены, как натянутая тетива лука. Конечно, выстрел даже из одной пушки для кита смертелен, не говоря уже о восьми, но мало ли что!

Кит оказался любопытным, подплыл на пятьдесят фатомов и принялся кружить вокруг корабля. Напряжение усилилось ещё больше.

– Если приблизится ещё хоть на пяток фатомов – стреляй! – негромко приказал капитан Паганини канониру, сжимая в зубах трубку с такой силой, что рисковал откусить мундштук, и, подумав, грязно выругался.

Канонир кивнул.

Брат Теодор громко читал молитвы об избавлении от супостата и, на всякий случай, об изгнании бесов. Кит вскоре потерял интерес к судну и нырнул, чтобы всплыть через четверть часа в полумиле. Все вздохнули с облегчением. Брат Теодор закрыл молитвенник:

– Вот, все вы ещё раз наглядно убедились в силе молитвы, вознесенной с верою!

– Качать его!!! – вскричал кто-то, и монаха принялись подбрасывать в воздух.

Ряса задиралась и парусила, обнажая кривоватые ноги в голубых подштанниках.

Марианна стояла в сторонке. Ей было стыдно, что из-за её глупостей произошел такой переполох.

Обогнув Скандинавский полуостров, «Сокол» шел на зюйд. Белое Море оказалось совсем не белого цвета, к разочарованию Марианны. Ни киты, ни другие морские чудовища больше не встречались, к огромному облегчению всей команды. Погода стояла хорошая, дул устойчивый норд-ост. Плыви да радуйся!

– Как вы предполагаете добираться до Корижи? – поинтересовался капитан у Корнелиуса за завтраком, – По моим расчетам ещё только день пути до побережья.

– На баркасах, там есть река. Мы найдем их у местных. По той реке можно пройти почти до самого города. Всего один волок.

На следующий день прямо по курсу и впрямь показался берег, но вдоль него пришлось идти ещё целый день, пока достигли деревни, подходящей по описанию. Встали на якорь в удобной бухте, спустили шлюпку. На разведку отправились Корнелиус с Самиром и трое охранников во главе с Джино.

Деревня была невелика – всего сотня дворов. На пляже собралось десятка два жителей во главе со старостой – пожилым, но крепким дядькой, опиравшимся на копьё. Остальные тоже были при оружии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.